

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Очень храбрый
человек

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

Криминальным романам Луизы Пенни присущи
интеллектуальность и стиль.

Arrive Magazine

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Очень храбрый человек

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Очень храбрый человек / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-19549-3

Роман «Очень храбрый человек» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. «Сегодня первый день Армана Гамаша в Квебекской полиции, куда он вернулся после девятимесячного отстранения, последовавшего за рядом необдуманных, пагубных решений», – пишут в «Твиттере» недоброжелатели – нет, явные враги Гамаша. Тем не менее в полиции знают: он лучший. Он умеет действовать отчаянно дерзко, рискованно и, что бы там ни писали в твитах, в высшей степени эффективно. Именно таких решений требуют от старшего инспектора события, обрушившиеся на него в первый же рабочий день. Пропала молодая беременная женщина, и он берется за расследование, испытывая глубокое (и возможно, неразумное) сочувствие к ее отцу, ведь у инспектора тоже есть взрослая дочь! Тем временем провинции Квебек угрожает весеннее наводнение эпического масштаба. Надвигающаяся катастрофа всегда несет с собой хаос, и Арман Гамаш пытается ему противостоять. Отложить поиски пропавшей, как считает его зять – тоже старший инспектор полиции, – и заняться более насущными вопросами перед лицом стихийного бедствия? Нет. «Сражение можно выиграть на одном фронте, – заявляет Гамаш. – Но война выигрывается на многих». Лед на реках уже тронулся, трещат мостовые опоры, в Сети запущено видео, порочащее честь Армана Гамаша... Успеет ли он выиграть свою войну? Впервые на русском!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-19549-3

© Пенни Л., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	28
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	46
Глава девятая	50
Глава десятая	55
Глава одиннадцатая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Луиза Пенни

Очень храбрый человек

Louise Penny
A Better Man

© 2019 by Three Pines Creations, Inc.

© Г. А. Крылов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Эта книга посвящается Бишопу, нашему золотистому.
Не было собаки лучше, не было более любящего спутника.*

Глава первая

Что случилось с Кларой Морроу? Она была великим художником. #МорроуОтстой
Ты шутишь? Его взяли назад в полицию? #ПолицияАтстой

– Merde¹.

– Merde? – Мирна Ландерс взглянула на подругу поверх кружки с кофе латте.

– Извини, – вздохнула Клара Морроу. – Я хотела сказать, фак. Фак-перефак.

– Узнаю мою девочку. Но с чего это ты вдруг?

– Не догадываешься?

– Неужели Рут приближается? – Мирна в притворной панике оглядела бистро. А может, не такой уж и притворной.

– Хуже.

– Разве это возможно?

Клара протянула Мирне свой телефон, хотя владелица книжного магазина уже знала, что увидит.

Перед тем как встретиться с Кларой за завтраком, она прокрутила свою ленту в «Твиттере». На экране было выставлено на всеобщее обозрение быстро остывающее тело художнической карьеры Клары.

Пока Мирна читала, Клара сидела, обхватив заляпанными краской руками кружку с горячим шоколадом, *specialité de la maison*², и смотрела то на подругу, то на сводчатое окно и крохотную квебекскую деревушку за ним.

Если телефон был огорчением, то окно – бальзамом. Пусть оно и не исцеляло полностью, но все же утешало своей привычностью.

Небо было серым и грозило дождем. Или дождем со снегом. Или ледяной крупой. Грунтовая дорога была покрыта жидкой грязью. На мокрой траве тут и там лежали клочки снега. Жители, выгуливавшие собак, шлепали по грязи в резиновых сапогах, уповая на то, что несколько слоев одежды не подпустят апрельский холод к их коже, не позволят пробраться до костей.

Это было невероятно. Пережив очередную лютую канадскую зиму, они почему-то неизменно становились жертвами ранней весны. Виновата была влажность. И перепады температуры. И иллюзорная надежда, что уж на этот раз погода наверняка будет помягче.

Лес за окном стоял, как армия зимних призраков, скелетов с болтающимися на ветру конечностями, которые клацали, ударяясь друг о друга.

Над трубами старых домов, обитых вагонкой, построенных из плитняка или кирпича, вился дымок. Словно сигнал, посылаемый какой-то высшей власти. Чтобы прислала помощь. Прислала тепло. Прислала настоящую весну, а не эту ужасную мешанину слякоти и мороза, дней-дразнилок. Дней снега и тепла.

Апрель в Квебеке – месяц жестоких контрастов. Месяц безупречных послеполуденных часов, проведенных под ярким солнцем, сидя за столиком с бокалом вина, и снегопадов на следующее утро. Месяц проклятий сквозь зубы и сапог в корке грязи, замызганных машин, собак, вываливавшихся в месиве из земли и снега, а потом отряхивающихся. Отчего каждая входная дверь покрывается грязью. И стены. И потолок. И пол. И люди.

Апрель в Квебеке – это климатологический дерьмопад. Мозгосрач эпических масштабов.

---

¹ Дерьмо (*фр.*).

² Фирменное блюдо (*фр.*).

Но то, что происходило за большими окнами быстро, было цветочками по сравнению с тем, что появлялось на маленьком экране телефона Клары.

Стулья Клары и Мирны стояли близко к камину, в котором потрескивали поленья, отправляя в дымоход порхающие янтарные звездочки. В деревенском бистро пахло дымком, кленовым сиропом и крепким свежим кофе.

«Клара Морроу переживает свой коричневый период, – читала Мирна. – Сказать, что ее последние предложения – говно, было бы несправедливо по отношению к фекалиям. Будем надеяться, что перед нами всего лишь период, а не конец».

– О-хо-хо, – сказала Мирна. Она положила телефон на стол и накрыла ладонью руку подруги. – Merde.

– Tabernac³. Кто-то из отдела особо опасных преступлений прислал ссылку. Вы только послушайте.

Другие агенты в конференц-зале повернулись к нему, пока он читал с экрана своего телефона:

– «Сегодня первый день Армана Гамаша в Квебекской полиции, куда он вернулся после девятимесячного отстранения, последовавшего за рядом необдуманных, пагубных решений».

– Пагубных? Это вранье, – сказал один из полицейских.

– Вранье, которое ретвитят сотни людей.

Другие агенты и инспектора достали свои телефоны и принялись водить пальцами по экранам, поглядывая на дверь. Чтобы убедиться...

Часы показывали без одиннадцати минут восемь, и сотрудники отдела по расследованию убийств собирались на регулярное понедельничное совещание для обсуждения текущих расследований.

Впрочем, в сегодняшнем совещании было что-то не так. Как и в сегодняшнем утре. Зал был наэлектризован – все пребывали в нетерпении. А то, что они увидели на экранах своих смартфонов, еще больше повысило напряжение.

– Merde, – пробормотал один из агентов. – «Достигнув вершин власти в качестве старшего суперинтенданта Квебекской полиции, – начал читать он, – Гамаш не замедлил злоупотребить ею. Он намеренно выпустил на улицу катастрофическое количество опиоидов. После проведенного расследования его временно отстранили».

– Они понятия не имеют, о чем пишут. Однако это не так уж плохо.

– Вот тут дальше: «Его следовало как минимум уволить. Возможно, судить и посадить в тюрьму».

– Ух ты.

– Что за безумие! – воскликнула одна из полицейских постарше, она схватила телефон и стала читать сама. – Кто пишет подобную чушь? Они даже не упоминают о том, что он изъяс все наркотики.

– Конечно не упоминают.

– Надеюсь, он этого не увидит.

– Шутить? Непременно увидит.

В зале наступила тишина, только слышалось тихое постукивание пальцев по смартфонам. Похожее на шорох омертвевших веток на ветру.

Все читали, бормоча себе под нос слова, которые их предки почитали священными, но которые теперь превратились в ругательства. «Tabernac. Câlîce. Hostie»⁴.

---

³ Франкоканадское ругательство. Произошло от церковного слова «tabernacle» – «скиния».

⁴ Чаша. Облатка (фр.).

Один из полицейских постарше обхватил руками голову, помассировал виски. Потом потянулся к телефону:

- Я напишу опровержение.
- Не надо. Пусть лучше руководство. Старший суперинтендант Туссен вправит им мозги.
- Пока что не вправила.
- Еще не вечер. Она стажировалась при Гамаше. Она его защитит.

В дальнем углу одна из агентов уставилась в свой телефон, нахмурившись так, что между ее бровями залегла глубокая складка.

В то время как остальные полицейские были бледны, она вся покраснелась. И читала она не эсэмэску или твит, а письмо, полученное по электронной почте.

Несмотря на свой возраст – около сорока пяти лет, – Лизетт Клутье была одним из новичков в отделе по расследованию убийств, куда ее перевели из бухгалтерии полиции. Она много лет искала огрехи в расходовании бюджета полиции, уже перешагнувшего за миллиард долларов, и наконец суперинтендант Гамаш отметил ее работу и решил, что она будет не менее полезна в поисках убийц.

Пусть она не могла обнаружить следы ДНК или заметить подозрительного человека, следующего за ней по пятам темной ночью, но деньги она очень даже умела отыскивать. А это часто приводило к тем же результатам.

Все остальные в зале трудились не покладая рук, чтобы попасть в самый престижный отдел полиции Квебека.

Агент Лизетт Клутье делала все возможное, чтобы покинуть этот престижный отдел. И вернуться в уютную, безопасную, предсказуемую, понятную среду цифр. Подальше от ежедневных ужасов и физического насилия, эмоционального хаоса убийства.

На подобных совещаниях Клутье всегда выбирала одно и то же место, садясь спиной к длинной белой доске с приклеенными к ней фотографиями.

Она обдумала полученное ею письмо, написала ответ и поскорее отправила его, чтобы не передумать.

– С кем поспорить, что некоторые из этих твитов от Бовуара? – подал голос один из молодых агентов.

– Вы имеете в виду старшего инспектора Бовуара?

Все повернулись к двери. А потом начали вставать, со скрежетом отодвигая стулья.

Изабель Лакост стояла с тростью в руке, пристально глядя на молодого агента. Наконец она отпустила его и с улыбкой обвела взглядом знакомые лица.

Когда она в последний раз была на понедельничном совещании, то председательствовала на нем как глава отдела по расследованию убийств. Теперь она вошла в зал, хромая.

Ее раны, почти зажившие, все же давали о себе знать. И так будет всегда.

Офицеры и агенты собрались вокруг нее, поздравляя с возвращением, а она пыталась объяснить, что это не совсем так. Получив звание суперинтенданта, она пришла сюда лишь для того, чтобы обсудить время и условия ее возвращения на активную службу.

Но все присутствующие знали, что в этот понедельник она оказалась здесь неслучайно. Это был не какой-то обычный день. Не какое-то обычное совещание.

Изабель Лакост села на стул во главе стола и кивнула другим, чтобы занимали места. Потом посмотрела на молодого агента, выдавшего реплику насчет старшего инспектора Бовуара:

– Что вы хотите этим сказать?

Голос ее звучал невозмутимо, а поза была неестественно спокойной. Агенты-ветераны, служившие под началом старшего инспектора Лакост, узнали этот ее взгляд. И почти посочувствовали глупому молодому агенту, который оказался в перекрестье ее прицела.

– Я хочу сказать, мы все знаем, что старший инспектор Бовуар покидает Квебекскую полицию, – ответил он. – Уезжает в Париж. Но не в ближайшие две недели. И что произойдет за это время? Притом что вернется Гамаш. Я скорее предпочел бы участвовать в перестрелке, чем оказаться на месте старшего инспектора Бовуара, входящего сегодня в это помещение. Готов поспорить, он чувствует то же самое.

– Считайте, что вы проиграли.

В зале воцарилась тишина.

«Он молодой и глупый, – подумала Лакост. – Наверное, жаждет какой-нибудь отчаянной славы».

Она знала, что этот агент никогда не участвовал в так называемых перестрелках. Его выдавало само использование этого дурацкого выражения. Любой из тех, кто действительно поднимал оружие, целился в другого человека и стрелял, снова и снова, получая выстрелы в ответ, – любой из них никогда бы не счел это славным, никогда бы не назвал перестрелкой.

И никогда, ни за что в жизни не захотел бы оказаться там снова.

Те из находящихся в зале, кто участвовал в последнем рейде, смотрели на молодого агента. Кто-то – с возмущением. А кто-то – почти задумчиво. Вспоминая, когда они сами были такими молодыми. Такими наивными. Такими бессмертными.

Девять месяцев назад.

Они мысленно возвращались в тот летний день. В красивый лесок у границы с Вермонтом. Вспоминали солнце, проникавшее сквозь кроны деревьев, тепло его лучей на лице.

Тот момент, который словно повис в воздухе, прежде чем разразился ад.

Все подняли оружие, все стреляли. И стреляли. Валили огнем деревца. Валили людей.

Крики. Кашель. Едкий запах оружейных газов, дерева и плоти, обожженной пулями.

Старший инспектор Лакост была одной из первых, кто упал. Ее действия дали старшему суперинтенданту Гамашу ту необходимую минуту, чтобы самому начать действовать. И он начал.

Изабель Лакост не видела, что совершил старший суперинтендант Гамаш, потому что была тогда без сознания. Но позже она узнала о его действиях. Прочитала расшифровку расследования, проведенного после его отстранения.

Гамаш пережил события того дня.

Только для того, чтобы его уничтожили свои же люди.

И атака на него продолжалась, даже после того, как он вернулся к работе.

Изабель Лакост и все ветераны полиции в зале знали, что решения, принятые старшим суперинтендантом Гамашем, были отчаянно дерзкими. Бесстрашными. Необычными. И, что бы там ни писалось в твитах, в высшей степени эффективными.

Но все могло кончиться совершенно иначе.

Та операция была решающим ударом. Последним отчаянным действием старшего полицейского чина Квебека, который чувствовал, что другого выхода у него нет.

Если бы Гамаш потерпел неудачу – а какое-то время казалось, что он таки ее потерпел, – полиция осталась бы калекой, а беззащитный Квебек был бы отдан на растерзание бандитскому насилию, наркоторговле, организованной преступности.

Гамаш победил. Но он был на волосок от поражения и заплатил немалую цену.

Любой разумный человек, принимающий такие решения, ожидал бы последствий для себя, независимо от результата. Старший суперинтендант был из разумных. Он наверняка предполагал, что будет отстранен. Что его действия будут расследованы.

Но ожидал ли он унижения?

Нанося свой решающий удар, полицейское руководство предпочло спасти собственную шкуру, поставив крест на карьере Гамаша. Хотя следствие оправдало его, ему предложили должность, которую он никак не мог принять. Должность старшего инспектора отдела по рас-

следованию убийств. Пост, который он занимал прежде много лет. Пост, который он передал Лакост, когда его назначили главой Квебекской полиции. После ранения Лакост и по сей день ее обязанности в отделе исполнял Жан Ги Бовуар.

Руководство знало, что с таким понижением статуса Арман Гамаш не может согласиться. Унижение было бы слишком велико. Рана слишком глубока. Он подаст в отставку. Уйдет на пенсию. Исчезнет.

Но Арман Гамаш отказался уходить. К их удивлению, он сошел с пути истинного и принял предложенную работу.

Его грехопадение должно было завершиться здесь. В этом зале. Сегодня.

И казалось, что он приземлится прямо на голову Жану Ги Бовуару.

До восьми оставалось семь минут. Вскоре в эту дверь войдут два человека. Оба занимавшие пост главы отдела по расследованию убийств.

И что произойдет тогда?

Даже Изабель Лакост ловила себя на том, что поглядывает на дверь. Никаких неприятностей она не ждала, но не могла не думать о том, что Джордж Уилл⁵ назвал «происшествием в Огайо».

В 1895 году во всем штате Огайо было всего два автомобиля. И они столкнулись.

Никто лучше Лакост не знал, что неожиданности случаются. И сейчас она поймала себя на том, что готовится к предстоящему столкновению.

– Это твоя собственная вина, – заявила Рут Зардо. – Ты вообще не должна была соглашаться на это, если хочешь знать мое мнение.

Никто не хотел его знать.

– Нет, вы послушайте, – продолжала старая поэтесса, читая с телефона. – «Работы Клары Морроу шаблонны, лишены своеобразие и банальны». Они еще забыли «подражательны» и «заурядны». А может, кто-то дальше по ветке и говорит это.

– Наверное, уже хватит, Рут, – сказала Рейн-Мари Гамаш.

Она посмотрела на часы. Почти восемь. Подумала, как там дела у мужа. Чтобы понять, как дела у Клары, не нужно быть семи пядей во лбу.

У ее подруги были темные круги под глазами и изможденный вид. И слегка подкрашенный. На лице и в волосах просматривались мазки красного кадмия и жженой умбры.

Клара надела свои обычные джинсы и свитер. Успех в качестве художника не изменил ее отношения к моде. Каким оно было, таким и осталось. Вероятно, по той причине, что признание пришло к Кларе поздно, когда ей было под пятьдесят. Она десятилетиями работала в своей мастерской, создавая картины, остававшиеся незамеченными. Ее выдающимся достижением была серия «Воинственные матки». Она продала всего одну картину. Себе. И подарила ее свекрови. Таким образом придав статус оружия своему искусству. И своей матке.

Потом, после какого-то вечера в бистро с подругами из деревни, Клара пришла в мастерскую и начала писать что-то совсем другое. Портреты. Портреты маслом. Своих подруг.

Она писала их такими, какими они были, со всеми их морщинками, пятнышками и припухлостями. Но что ей действительно удалось передать своими смелыми мазками, так это их чувства.

Эти портреты ворвались в мир живописи, их восхваляли, называли революционными. Говорили, что она вернула традиционную форму, но вдохнула в нее новую жизнь. Ее портреты светились. Радостью. Жизнью. Иногда тревожили, потому что одиночество и горькая печаль на некоторых лицах стали очевидными.

Ее портреты женщин были вызывающими, смелыми и дерзкими.

---

⁵ Джордж Уилл – американский журналист, лауреат Пулицеровской премии 1977 года.

И сегодня, в это апрельское утро, многие из этих женщин присоединились к Кларе в бистро. Когда-то они праздновали здесь ее успех. Теперь пришли с утешениями.

– Они сами не понимают, что говорят, – сказала Мирна. – Просто пишут что-то злобное, низкое.

– Но если я верила им, когда они хвалили мои работы, то не должна ли поверить им и на этот раз? – спросила Клара. – Почему они были правы тогда, но ошибаются сейчас?

– Потому что они не художественные критики, – ответила Рейн-Мари. – Я уверена, многие из них и на выставке-то не были.

– Художественный критик «Нью-Йорк таймс» только что выложил пост, – сообщила Рут. – Он пишет, что в свете этой катастрофы собирается вернуться к твоим ранним работам, портретам, и посмотреть, не ошибался ли в их оценке. Дерьмо собачье. Он же не о моем портрете, правда?

– Фак-фак-фак, – пробормотала Роза.

Утка сидела на коленях у Рут и посматривала на всех с недовольным видом. Впрочем, утки всегда чем-нибудь недовольны.

– Все будет в порядке, – сказала Мирна.

– Я тоже в это верю, – проговорила Клара, проводя пятерней по своим густым волосам, отчего они встали дыбом, сделав ее похожей на умалишенную.

Рут же, которая почти наверняка была настоящей сумасшедшей, напротив, выглядела абсолютно собранной.

– Хорошо, что никто не увидит твоего говна, – сказала Рут. – Кто ходит на выставки миниатюр? С какого перепуга ты вообще согласилась участвовать в коллективной выставке крохотных картин маслом? Это то, чем занимались скучающие светские дамы в восемнадцатом веке.

– И многие из них были гораздо лучше, чем их современники-мужчины, – заметила Мирна.

– Верно, – кивнула Рут. – Похоже на правду.

Роза закатила свои утиные глаза.

– Твое дело – портреты на больших холстах, – не унималась Рут. – Зачем писать маленькие пейзажи?

– Я хотела расширить сферу деятельности, – объяснила Клара.

Рут подняла брови:

– Создавая миниатюры? Немного иронично.

– Вы видели эти работы Клары? – спросила Рейн-Мари.

– Мне не нужно их видеть. Я их обоняю. Они пахнут, как...

– Может быть, лучше посмотреть, прежде чем комментировать?

– Зачем? Они наверняка шаблонные и банальные.

– Ты что, снова и снова пишешь одно и то же стихотворение? – спросила Мирна.

– Нет, конечно, – ответила Рут. – Однако я не пытаюсь писать романы. И там и там слова, это верно, но я знаю, в чем я хороша. В чем бесподобна.

Мирна Ландерс тяжело вздохнула и переместила свой немалый вес в кресле. Как бы ей ни хотелось возразить Рут, она не могла. Факт оставался фактом: их старая соседка по Трем Соснам, пьяница и скандалистка, была блестящей поэтессой. Хотя и неважным человеком.

Рут издала звук, который можно было принять за смех. Или за отрыжку.

– Я сейчас скажу тебе, что смешно. Ты терпишь неудачу и сгораешь, пытаешься сделать что-то новое, а Арман уничтожает свою карьеру, соглашаясь вернуться, чтобы делать то, что он делал сто лет назад.

– Никто не терпит неудачу и не сгорает, – возразила Рейн-Мари и снова взглянула на часы.

Атмосфера в конференц-зале все больше накалялась.

– И как это будет работать? – спросил один из агентов. – Мы получаем двух старших инспекторов?

Все посмотрели на суперинтенданта Лакост.

– Non⁶. Старший инспектор Бовуар будет исполнять свои обязанности до отъезда в Париж.

– А Гамаш... – начал другой агент.

– Старший инспектор Гамаш. Это просто переходный период в несколько недель, только и всего, – сказала Лакост, стараясь выглядеть увереннее, чем была на самом деле. – Это неплохо. У отдела будут два опытных руководителя.

Но мужчины и женщины в зале не были идиотами. Один сильный руководитель – это хорошо. Когда их двое, начинается противостояние. Противоречивые приказы. Хаос.

– Они много лет работали вместе, – продолжала Лакост. – Прекрасно сработаются и теперь.

– А вам не было бы досадно получать приказы от бывшего подчиненного?

– Конечно не было бы.

Но несмотря на раздражение, Лакост знала, что это вполне закономерный вопрос.

Сможет ли Бовуар заставить себя отдавать приказы своему прежнему начальнику и наставнику?

И самое главное, сможет ли бывший старший суперинтендант подчиняться таким приказам? Гамаш, при всей его уважительности, привык руководить. И руководить Бовуаром.

– Но тут ведь не только это, правда? – сказал полицейский постарше.

– Есть что-то еще? – спросил его молодой агент.

– Ты не знаешь? – Полицейский огляделся вокруг, намеренно игнорируя предостережение во взгляде Лакост. – Гамаш не только начальник Бовуара. Он его тесть.

– Шутите, – сказал агент, понимая, что тот не шутит.

– Non. Он женат на дочери Гамаша, Анни. У них есть ребенок.

Хотя семейная связь Гамаша и Бовуара не была тайной, никто из них двоих особо ее не афишировал.

Один из агентов за столом фыркнул и оторвался от своего смартфона:

– Они всерьез принялись за него. Вот послушайте...

– Non, – сказала Лакост. – Я не хочу это слушать.

У двери послышалось какое-то движение.

Все повернулись, потом вскочили на ноги.

Старшие отдали честь. Молодые на мгновение растерялись.

Некоторые из находящихся в зале не знали Армана Гамаша лично. Другие не видели его несколько месяцев. С того жаркого июльского дня в лесу. Воздух был наполнен вонью выстрелов и криками раненых. Когда дым рассеялся, они увидели главу Квебекской полиции с пистолетом в руке. Тащившего мертвое тело по красивому лесу.

Догадывался ли Гамаш тем летним утром, надевая чистую белую рубашку, костюм и галстук, что день у него закончится таким вот образом? Кровью на его одежде. И на руках.

В тот душный день он проснулся старшим суперинтендантом Квебекской полиции. Уверенным в себе руководителем. Вынужденным, сжав зубы, пойти опасным путем.

Ближе к вечеру он вышел из леса разбитый.

И вот он вернулся.

Став лучше? Став жесточеннее?

---

⁶ Нет (фр.).

Вскоре им предстояло понять это.

Глава вторая

Человеку, стоявшему у двери, было под шестьдесят. Высокий, не грузный, но крепкий. Чисто выбритый. И пусть не классически красивый, однако более привлекательный и определенно более благородный, чем пытались внушить молодым агентам фотографии, помещенные в социальных сетях в то утро.

Слегка выющиеся волосы Армана Гамаша, некогда темные, теперь почти полностью поседели. Цвет лица у него был как у человека, который много часов проводил в бескрайних полях, во влажных лесах, по колено в снегу, разглядывая трупы. И преследуя тех, кто сделал это.

Он выглядел как человек, который многие годы нес на своих плечах тяжелый груз ответственности. Которому приходилось делать жестокий выбор.

Морщины на его лице говорили о решительном характере. Об умении сосредоточиться. О заботах, растянувшихся на годы. И о скорбях. Растянувшихся на десятилетия.

Но под взглядами агентов на этом лице появилась улыбка, и они увидели, что самые глубокие из его морщин – в уголках глаз.

Морщинки смеха. Выраженные гораздо ярче, чем те, что были порождены заботами и болью. Хотя все они встречались, перемешивались, пересекались.

А еще был безошибочно узнаваемый шрам на виске. Как визитная карточка. Отметина, делавшая его непохожим на других. Шрам пересекал морщины забот и смеха. И за ним стояла отдельная история.

Вот что увидели более молодые агенты.

Для ветеранов все было иначе. Они не столько видели, сколько чувствовали.

Наступило молчание, когда Арман Гамаш остановился на пороге, глядя на них, заглядывая им в глаза, внезапно увлажнившиеся.

Агенты, собравшиеся в зале, даже не думали, что он вернется. Во всяком случае, не в Квебекскую полицию и уж точно не в отдел по расследованию убийств. Этот пожилой полицейский, с которым они работали бок о бок долгие годы. Который был их наставником. Учил их ловить убийц. И не потерять себя в процессе. Учил, как быть прекрасными полицейскими и такими же хорошими людьми.

В начале их работы в отделе он выходил с каждым из них на неспешную прогулку и рассказывал о четырех принципах, ведущих к мудрости.

И больше никогда их не повторял.

«Я ошибался». «Я прошу прощения». «Я не знаю». «Мне нужна помощь».

Они в бессилии наблюдали за тем, как Гамаша отстранили от работы. А потом отшвырнули в сторону.

Но сегодня он вернулся. К ним.

Он всегда носил костюм и галстук, крахмальную белую рубашку. И сегодня не изменил себе. Он одевался так, даже когда работал в поле. В знак уважения к жертве и семье. И как символ порядка перед лицом грозившего им хаоса.

Казалось, он не изменился. Но все понимали: это только на первый взгляд. Кто знает, что происходит у него внутри?

Гамаш вошел в конференц-зал:

– Bonjour.

– Bonjour, patron, – раздалось в ответ.

Он кивнул, отвечая на отдавание чести и одновременно давая понять, что в этом нет необходимости.

– Суперинтендант, не ожидал вас здесь увидеть.

Он протянул руку Изабель Лакост, и они обменялись рукопожатием. Приветствием гораздо более формальным, чем те, какими они обменивались, когда она с семьей приезжала к Гамашам в Три Сосны.

– Я была тут неподалеку, – сказала она.

– Понятно. – Гамаш скользнул взглядом по настенным часам. – Твоя первая встреча сегодня через полчаса, кажется?

Изабель Лакост улыбнулась. Он знал. Разумеется, он знал. У нее сегодня должно было состояться несколько собеседований в разных отделах. Ей предстояло выбрать, какой отдел она возглавит, когда через несколько недель выйдет из отпуска.

Впрочем, она неслучайно первой запланировала встречу со старшим инспектором Гамашем.

– Да. Начинаю с самого верха.

– Отдел по уборке помещений?

– Конечно. Мечта любой девушки.

– Все те годы, что ты подчищала за мной хвосты...

– Да, наконец-то это пригодится.

Гамаш рассмеялся.

Он знал, что на самом деле Изабель начнет с отдела тяжких преступлений и, таким образом, фактически станет его начальником.

– У вас есть выбор из нескольких отделов, суперинтендант. И любому из них повезет, если вы согласитесь.

– Merci.

Ее искренне тронули эти слова.

Затем Гамаш повернулся и протянул руку ближайшему к нему молодому агенту:

– Мы не знакомы. Я Арман Гамаш.

Агент замер, глядя на протянутую руку, потом взглянул на улыбающееся лицо. В глаза.

Совсем не глаза дебила, как писали в твитах. И не глаза хладнокровного убийцы, как изображали другие.

Представляясь, агент уловил очень слабый запах сандалового дерева и розовой воды.

– Ах да, – вспомнил Гамаш. – Вы были в группе охраны на Национальной Ассамблее в Квебек-Сити.

– Oui, patron.

– Устроились в Монреале, все в порядке?

– Да, сэр.

Гамаш пошел дальше, оставив агента слегка ошарашенным и в немалой степени пристыженным из-за собственных слов, сказанных ранее. Гамаш двинулся вокруг стола. Называл свое имя тем, с кем не был знаком. Перебрасывался парой слов с теми, кто работал под его началом.

Потом он огляделся.

Стул во главе стола был пуст, и Гамаш направился к нему под взглядами всех присутствующих. Отодвинув стул справа от этого, он сел и кивнул остальным, чтобы заняли свои места.

Гамаш появился за несколько минут до назначенного времени, понимая, что, вероятно, придется рассеять туман. И ответить на некоторые вопросы. Успеть до появления Жана Ги Бовуара.

По правде говоря, он не предполагал, что туман будет таким густым.

– Насколько я понимаю, вы говорили о посте в блоге. – Он достал платок и промокнул глаза.

– Точнее, о твите, – откликнулся агент, вызвав всеобщее недовольство. – Это не важно, сэр.

Гамаш положил телефон на стол:

– Мы ведь не хотим начинать с сокрытия правды друг от друга, верно? Это было достаточно важно до моего появления. Я предпочитаю, чтобы коллеги не судачили у меня за спиной. – Он обвел их взглядом и улыбнулся. – Я понимаю, тут есть неловкость. Я прочел несколько постов. Знаю, что в них говорится. Что меня следует уволить. Посадить в тюрьму. Что я некомпетентный, вероятно, даже преступно некомпетентный. Все так?

Он больше не улыбался, но и не сердился. Арман Гамаш просто констатировал факты. Очищал воздух, показывая на источник запаха.

Он подался вперед на стуле:

– Вы ведь не думаете, что я тонкокожий?

Полицейские замотали головой.

– Хорошо. Я сомневаюсь, что вы прочтете что-нибудь такое, чего я не прочел раньше вас. Я отвечу на ваши вопросы один раз, а потом мы оставим это в прошлом. D'accord?⁷

Злосчастный молодой агент снова сжимал телефон в руке и молился, чтобы на него обрушилась крыша.

Никто не достигал высшего звания в Квебекской полиции, если у него не было амбиций. И безжалостности. И агент мог себе представить, что пришлось делать Гамашу, чтобы подняться на самый верх. А еще он знал, что говорят о Гамаше в социальных сетях. Самое мягкое слово там было «социопат».

И теперь Гамаш смотрел на агента. Приглашал его войти в ловушку.

– Я бы не хотел это делать, patron.

– Понимаю, – сказал Гамаш, понизив голос, хотя все по-прежнему могли слышать его слова. – Когда я был старшим суперинтендантом, у меня в кабинете висел плакат в рамочке. На нем были написаны последние слова выдающегося поэта Шеймаса Хини. «Noli timere». Это на латыни. Вы знаете, что они означают?

Он оглядел зал.

– И я тоже не знал, – продолжил он, не дождавшись ответа. – Пришлось поискать. Они означают «Не бойся». – Его взгляд снова остановился на злосчастном молодом человеке. – На работе вам придется делать вещи, которые будут вас пугать. Возможно, вам станет страшно, но вы должны быть храбрым. Когда я попрошу вас сделать что-то, вы должны верить, что для моей просьбы есть веские основания. А я должен верить, что вы выполните мое задание. D'accord?

Агент посмотрел на свой телефон, провел пальцем по экрану и начал читать.

– «Гамаш сумасшедший. Трус», – прочел он. Голос его звучал сильно, ровно, но лицо стало пунцовым. – «Его следует запереть и не допускать к службе. Квебек в опасности, пока он находится там».

Агент поднял голову, глазами умоляя позволить ему остановиться:

– Это всего лишь комменты, сэр. В ответ на какую-то заметку. Это не реальные люди.

Гамаш вскинул брови:

– Если вы не предполагаете, что это боты...

Агент отрицательно покачал головой.

– ...то они реальные люди. Я только надеюсь, что они не квебекцы.

– Вот один из Труа-Ривьер.

Гамаш поморщился:

– Продолжайте. У кого-то есть еще?

Один за другим они стали читать оскорбительные твиты.

– «Гамаш даже не хочет возвращаться, – прочитал один агент. – Я слышал, он отверг предложение. Жители Квебека ему безразличны. Он думает только о себе».

Агент поднял глаза и увидел, как Гамаш слегка вздрогнул.

---

⁷ Договорились? (фр.)

– Другие пишут о том же. Что вы не хотели возвращаться в отдел. Работать с нами. Это правда?

– Отчасти – да.

Никто в зале не ждал такого ответа. Все телефоны легли на стол, все глаза уставились на него.

– Я и в самом деле отверг предложение вернуться в отдел в качестве старшего инспектора, – сказал Гамаш. – Но не потому, что не хотел возвращаться.

– Тогда почему?

– Потому что у вас превосходный начальник в лице старшего инспектора Бовуара. Я бы никогда не согласился подсидеть его. Я бы не сделал этого ни с вами, ни с ним.

Наступила пауза, пока все переваривали его слова.

– Вас беспокоит вопрос, действительно ли я хочу работать здесь, или же я принял предложение в пику тем, кто сделал его, чтобы унижить меня?

Они уставились на него, явно пораженные его откровенностью. По крайней мере, молодые. Изабель Лакост и другие ветераны с усмешкой взирали на их удивление.

– И это так? – спросил один из агентов.

– Нет. Я отверг это предложение, полагая, что старший инспектор Бовуар остается на своем месте. Но когда он сказал мне, что принял приглашение поработать в частном бизнесе в Париже, мы с ним обсудили ситуацию. Потом я поговорил с женой и решил согласиться. – Он оглядел присутствующих. – Я понимаю вашу озабоченность, но я бы не пришел сюда, если бы не хотел. Работать в полиции почетно в любом качестве. Эта работа всегда была самой большой честью для меня. Я не знаю лучшего способа быть полезным и не знаю людей лучше, чтобы служить с ними бок о бок.

Он говорил с таким убеждением, с такой непоколебимой искренностью, что девиз на их удостоверениях, их машинах, их значках вдруг обрел реальный смысл.

«Service, Intégrité, Justice»⁸.

Гамаш посмотрел на длинную белую доску на одной из стен. Он приходил сюда на неделе, когда здесь никого не было, сидел в этом конференц-зале, просматривал журналы. Фотографии. Листал дела, разглядывал лица на доске.

Он знал, на какой стадии расследования находятся дела и какую работу проделал каждый из тех, кто возглавляет то или иное следствие. Или не проделал.

И тут все взгляды обратились ему за спину.

Жан Ги Бовуар приехал двадцатью минутами ранее, прошел в свой кабинет и закрыл дверь. Обычно он так не делал. Обычно дверь в его кабинет была открытой. Обычно он шел сразу в конференц-зал. Обычно он был там единственным старшим инспектором отдела по расследованию убийств.

Однако этот день не был обычным. То, как пройдут следующие полчаса, задаст тон всему, что будет после.

Как отреагируют его агенты и инспекторы на то, что к ним вернулся не просто их прежний старший инспектор, а человек, ставший легендой? Частное лицо, ставшее общественной фигурой?

Но еще труднее для Бовуара было то, что он сомневался в собственной реакции. Он, конечно, обсуждал это с Арманом, обсуждал довольно долго, но теория часто не совпадает с реальностью.

---

⁸ Служба, неподкупность, справедливость (фр.).

По теории все должно было пройти гладко. Он не будет запуганным и колючим (обычная его реакция на ощущение незащищенности). Он не будет оправдываться или прибегать к сарказму.

Старший инспектор Бовуар будет уверенным. Спокойным. Он будет контролировать ход совещания, а самое важное – себя.

Таким был план. Теория.

Однако реальность состояла в том, что на протяжении почти всей своей карьеры он работал рядом с Гамашем, но на полшага сзади. Для него было естественно – в этот момент почти на уровне инстинкта – предоставить Гамашу последнее слово. Власть.

Жан Ги сделал глубокий вдох. И глубокий выдох. Подумал, не позвонить ли своему поручителю, но решил просто повторить несколько раз молитву о даровании терпения.

Он открыл глаза, когда его телефон издал знакомый звоночек. Электронное послание от Анни.

«Ты с папой? Ты должен посмотреть это».

Жан Ги нажал на присланную ссылку и пошел по ветке дискуссии. Твит за твитом. Комментарий и отзыв. Вопрос и ответ. Словно какая-то безумная литургия.

– Господи Иисусе, – пробормотал он и закрыл ссылку.

Он был рад, что жена прислала ее. Анни была юристом и понимала важность подготовки и информированности. Даже насчет тех вещей – в особенности тех вещей, – о которых мы и знать не хотим.

Часы на стене показывали без одной минуты восемь. Жан Ги отер потные ладони о брюки и посмотрел на фотографию на столе. Анни и Оноре. Снято в доме Гамашей в Трех Соснах. На заднем плане, видимая только тем, кто знает, что она там, фотография в рамочке на книжной полке. Семейный снимок улыбающихся Анни, Оноре, Жана Ги, Рейн-Мари и Армана.

Арман. Он всегда и везде. И утешение, и непереносимое присутствие.

Сделав глубокий вдох, Жан Ги положил обе ладони на стол и вытолкнул себя из кресла. Потом открыл дверь и зашагал по большому открытому помещению, мимо столов, на которых громоздились папки с отчетами, фотографии, ноутбуки.

Он вошел в конференц-зал:

– Salut tout le monde⁹.

Все, включая Гамаша, встали.

Жан Ги без колебаний протянул руку, и они обменялись рукопожатием с Арманом.

– С возвращением.

– Merci, – кивнул Гамаш. – Patron.

---

⁹ Всем привет (*фр.*).

Глава третья

Они, конечно, в первую очередь обращались к старшему инспектору Гамашу. Говорили с ним. Докладывали ему. Когда речь шла об их делах, они хотели услышать его комментарии, его одобрение.

Гамаш, со своей стороны, внимательно слушал, но молчал. Молчал и посматривал налево. На старшего инспектора Бовуара.

В ожидании указаний.

И старший инспектор Бовуар давал их. Спокойно, вдумчиво. Когда требовалось, он задавал четкие вопросы. Направлял, иногда подталкивал. Но в основном слушал.

Он не оборонялся и не злился.

Хотя, если честно, он ощущал немалое раздражение, но не из-за Гамаша. И даже не из-за своих следователей. Его раздражала сама ситуация. И он подозревал, что именно это было целью высокого начальства. Столкнуть двух старших офицеров. Ради блага полиции? Нет. Ради забавы. Чтобы посмотреть, удастся ли вбить клин между ними. С помощью злонамеренной алхимии сделать врагов из друзей.

И возможно, тихонько подсказывал ему тихий внутренний голос, ради чего-то большего, чем забава.

Сидевшая слева от Бовуара суперинтендант Лакост наблюдала за происходящим, осознавая, какие силы приведены в действие. Она рассчитывала на лучшее, но была готова и к столкновению.

Однако, по мере того как совещание продолжалось, Жан Ги Бовуар демонстрировал ту свою сторону, которой она не знала раньше.

Она видела, как он выказывал невероятную храбрость. Пылкую преданность. Неизменную, нередко одержимую приверженность делу обнаружения убийц.

Чего она никогда прежде не замечала в Жане Ги Бовуаре, с его энергией, бьющей через край, так это сдержанности.

До сегодняшнего дня.

Где-то на пути, возможно в том солнечном квебекском лесу, Бовуар понял, какие битвы нужно вести, а какие – нет. Что имеет значение, а что – нет. Кто настоящие союзники, а кто – нет.

Он вошел в лес, будучи вторым в команде. А вышел из него командиром.

Жаль, подумала Лакост, что это случилось незадолго до его ухода из Квебекской полиции.

Совещание продолжалось, они рассматривали одно дело за другим. Каждый полицейский вкратце рассказывал о порученном ему расследовании. Сообщал новые данные от судмедэкспертов, результаты допросов. Мотивы. Подозреваемых.

Как обычно, сотовые телефоны были выключены и отложены в сторону – пользование ими во время совещания запрещалось.

По ходу дела следователи постепенно переставали смотреть на Гамаша. Переставали смотреть на суперинтенданта Лакост. Все их внимание было теперь обращено на старшего инспектора Бовуара, который, в свою очередь, внимательно слушал их.

В тех случаях, когда были произведены аресты и дела передавались в суд, Бовуар хотел знать, что думает об этом деле королевский прокурор. На самом деле он уже и так знал. Ни одно дело не передавалось в суд, пока старший инспектор Бовуар не ознакомится во всех подробностях с сильными и слабыми сторонами обвинения.

Его вопросы были направлены на благо всей команды.

Бовуар сидел, опершись локтями о столешницу, сцепив пальцы и подавшись вперед. Внимательный, сосредоточенный. Он надеялся, что излучает ауру спокойствия и стабильного контроля. На самом деле он излучал энергию. Жизненную силу. Высшую степень внимания.

Глаза Бовуара, устремленные на следователей, смотрели с интересом и одобрением. В очках он казался старше своих лет. Ему было под сорок – меньше, чем многим из ветеранов полиции в зале.

На двадцать лет меньше, чем человеку справа от него.

У стройного и ухоженного Бовуара были темные волосы, начинавшие седеть. А его худоская прежде фигура слегка располнела.

Подходя к конференц-залу, он слышал некоторые реплики. И знал, от кого они исходят. Это его не удивляло. Именно эти агенты, скорее всего, и должны были задавать вопросы.

Когда старшим суперинтендантом был Гамаш, Лакост и Бовуар просили его удалить агентов, сеющих смуту.

«Вспомните, что случилось до того», – сказал Бовуар.

В Квебекской полиции было «до того» и «после». Черта, проведенная в коллективной и институциональной памяти.

«До того» было временем страха. Недоверия. Врагов, притворяющихся союзниками. Временем бесконечной и необузданной жестокости. Временем, когда начальство санкционировало избиения и даже убийства.

Гамаш возглавил сопротивление, невзирая на огромный личный риск, и в конечном счете согласился стать старшим суперинтендантом.

Все, кто остался в полиции и прошел через тот ад, были обречены всю жизнь помнить, что происходило «до того».

«Мы должны избавиться от этих агентов, – сказала тогда Лакост. – Их перевели в наш отдел, когда ситуация пошла вразнос, для того чтобы они сеяли смуту».

Гамаш кивнул. Он знал, что это правда.

Но также он знал, что самыми преданными становятся те, кому предоставлен шанс.

«Оставьте их, – сказал тогда Гамаш. – И готовьте как следует».

Они так и сделали. И сейчас эти агенты под началом старшего инспектора Бовуара сами стали руководителями. Закаленными в боях и проверенными.

Это не означало, что у них нет собственного мнения, которое они готовы отстаивать.

Именно эти агенты и задавали вопросы Гамашу, перед тем как Жан Ги вошел в конференц-зал.

Понедельничное совещание уже близилось к завершению, как вдруг что-то привлекло внимание Бовуара на дальнем конце стола.

– Мы вам не мешаем?

Агент Лизетт Клутье подняла голову, и ее глаза округлились.

– Désolée¹⁰, – сказала она, растерянно крутя в руке телефон.

Старший инспектор Бовуар продолжал смотреть на нее, пока она не положила телефон на стол.

Совещание возобновилось, но всего на одну минуту – Бовуар снова остановил его:

– Агент Клутье, чем вы заняты?

Впрочем, было и так понятно, чем она занята. Она набирала текст на своем телефоне. Снова.

Смущенная, агент Клутье подняла голову.

– Я прошу прощения, но...

– Неотложное личное дело? – спросил Бовуар.

---

¹⁰ Прошу прощения, сожалею (*фр.*).

– Нет, не совсем так. Я не думаю...

– Тогда уберите его.

Она положила телефон на стол и сразу же снова взяла его:

– Извините, сэр, но тут есть кое-что.

– Для нас?

– Не знаю. Возможно.

Подходило к концу рассмотрение последнего отчета, и все хотели поскорее свернуть совещание. А это означало, что им нужно, чтобы она положила свой чертов телефон и заткнулась.

Чувствуя, что все глаза устремлены на нее, чувствуя, как сердце колотится в груди, в шее, в вене на виске, агент Клутье схватила телефон и заговорила:

– Мне прислал сообщение один друг. У него пропала дочь. Ее нет с вечера субботы.

– Где? – спросил Бовуар, пододвигая к себе стопку бумаги для записей.

– В Восточных кантонах.

– Сколько ей лет?

– Двадцать пять.

Бовуар перестал записывать. Он думал, что речь идет о ребенке. Он почувствовал облегчение, но и некоторое раздражение. Агент Клутье заметила это и попыталась завладеть его вниманием:

– Она выехала к нему с севера, однако до места так и не добралась.

– Она замужем?

– Да.

– И что говорит муж?

– Ничего. Омер, ее отец, звонил ему несколько раз, но Карл только отвечает, что все в порядке и пусть он больше не звонит.

– Но дома ее нет?

– Явно нет. Карл не говорит, где она. Он просто вешает трубку. А теперь вообще перестал отвечать.

Она говорила быстро, стараясь выложить все. Вглядывалась в лицо старшего инспектора – не появится ли на нем каких-нибудь признаков озабоченности. Какого-то чувства, которое она пыталась ему внушить.

– Где живет ее отец?

– К северу от Монреаля. Муниципалитет Лаврентиды, городок Сент-Агат.

– Он не ездил туда?

– Нет. Собирается поехать сегодня.

Бовуар смотрел на женщину в дальнем конце стола. Насколько он помнил, агент Клутье впервые заговорила на совещании.

– Я понимаю вашу озабоченность, но это местная юрисдикция. Пусть местная полиция занимается поиском. – Бовуар перевел взгляд на инспектора, которая жаждала закончить свой отчет.

– Омер звонил в местную полицию. Они отправили туда машину, но ничего не нашли. Это было вчера. Вивьен все еще не появилась. Омер очень волнуется.

– Тогда он должен заявить об исчезновении человека. Можете помочь ему написать заявление.

Он не хотел показаться черствым, однако существовало четкое распределение обязанностей, и лучше было не соваться на чужую поляну.

– Прошу вас, patron, – сказала Клутье. – Можно мне съездить туда? Оглядеться? – Она видела, что старший инспектор Бовуар сомневается. Колеблется. – Она беременна.

Клутье почувствовала, что все повернули голову в ее сторону. Она покраснела как рак, но не опустила глаза.

Бовуар снова посмотрел на нее и взвесил все варианты.

Тот факт, что женщина беременна, не должен был ничего менять. И все же изменил – для Бовуара.

Пропала женщина. Беременная. Муж что-то скрывает.

Это были тревожные приметы. Настораживающие.

Лизетт Клутье не была опытным или – что уж говорить – эффективным следователем. Если он отпустит ее на один день, чтобы она разобралась в этом деле, то она вернется ни с чем. Скорее всего, потому, что там и искать-то нечего.

Может быть, женщина просто уехала на уик-энд. Мужу сказала, что едет к отцу, а сама отправилась к подруге. Или к любовнику.

Не годится первому лицу заниматься такими делами.

– Что я скажу ее отцу? – не отставала от него Клутье. – Он очень волнуется. На нее это не похоже.

– Возможно, он знает ее не так хорошо, как ему кажется.

– Но он знает своего зятя.

– Что вы хотите этим сказать?

– Он никогда не говорил напрямик, но зять ему очень не нравится.

– Это не повод задействовать ресурсы отдела по расследованию убийств, агент Клутье.

– Он считает, что случилось что-то плохое. – Она понимала, что терпит неудачу, и судорожно искала аргументы. – Как бы вы себя чувствовали, если бы ваш ребенок не вернулся домой?

Ее слова достигли цели, но не так, как ей хотелось бы.

Суперинтендант Лакост ждала, чем это обернется. Похоже, столкновения все же не избежать. Только не с Гамашем. Старший инспектор Бовуар собирался наехать на агента Клутье.

– Мой сын – младенец, – произнес Бовуар холодным тоном. – Это совсем другое дело.

– Но если вы любите, возраст не имеет значения, – возразила Клутье, сама не веря, что делает это. – Они остаются нашими детьми.

Бовуар устался на нее, и все в зале затаили дыхание.

– Ее имя?

– Вивьен. Вивьен Годен.

Бовуар записал.

– А мужа?

– Карл Трейси.

Если Вивьен Годен и в самом деле пропала, то случилось что-то плохое и нельзя было терять время.

К сожалению, Клутье была практически здешним инспектором Клузо. Она не нашла бы эту женщину, даже если бы стояла рядом с ней в очереди за кофе с двойным молоком и сахаром в «Тим Хортонс».

Нет, никто бы не назвал Клутье идиоткой, просто следовательская работа не была ее сильной стороной. Не ради этого ее пригласили в отдел по расследованию убийств.

Бовуар быстро обвел взглядом полицейских за столом. Все они были по горло заняты активным расследованием убийств. Убийств, которые действительно были совершены, и убийц нужно было найти. Безотлагательно.

Его глаза остановились на единственном полицейском, который пока не имел задания.

«Господи, – подумал Бовуар, – неужели я и в самом деле сделаю это с ним?»

– Не могли бы вы поработать с агентом Клутье и посмотреть, что там случилось? Всего один день?

– С удовольствием, – ответил старший инспектор Гамаш.

Глава четвертая

– Прошу прощения, – произнес Бовуар вполголоса, когда совещание закончилось.

– За что?

– Вы знаете за что. – Бовуар кивком показал на Клутье, сидевшую за своим столом. – С первого дня работы в нашем отделе она мечтала написать заявление о переводе.

– Оружие ей не выдавали? – спросил Гамаш.

– Вы шутите?

– Она хорошо работает? – спросил Гамаш.

В конце концов, это он принял решение перевести сотрудника канцелярии в отдел по расследованию убийств.

– Вообще-то, если не выпускать ее на улицу и держать подальше от граждан и острых предметов, то да, хорошо.

– Рад слышать это.

Гамаш пристально посмотрел на агента Клутье, которая сидела за своим столом, уставившись в пространство. Он попытался понять, о чем она думает, но, судя по выражению ее лица, она была парализована собственной неуверенностью.

– Noli timere, – с ухмылкой сказал Бовуар.

– Ха. Что ж, может быть, немного timere, – признал Гамаш.

Размышляя об агенте Клутье, он вспомнил ее вопрос:

«Как бы вы себя чувствовали?..»

Как бы он себя чувствовал, если бы его дочь, взрослая женщина, замужняя женщина, пропала на полтора дня?

Он бы с ума сходил. Он бы надеялся и молился, чтобы кто-нибудь уделил этому внимание. Чтобы кто-нибудь помог.

В настойчивости агента Клутье была изрядная доля мужества. В ее вопросе слышалось участие.

И то и другое было крайне ценно, сказал он себе, наблюдая за тем, как она уронила со стола телефон. В корзинку с мусором.

Агент Клутье нервничала, это было очевидно. Из-за пропавшей молодой женщины? Из-за того, что будет работать с Гамашем? Из-за возможной неудачи? Или есть другая причина?

– Я распорядился принести в кабинет еще один стол, – сказал Бовуар.

Он чуть было не сказал «в мой кабинет», но успел придержать язык.

– Merci. Я благодарен за твою заботу, но мне бы хотелось сидеть вместе со всеми.

– Правда? – Бовуар огляделся.

Столы в общей комнате стояли по два, лицом друг к другу. Некоторые выглядели аккуратными, другие были завалены документами. Какие-то обладали индивидуальностью благодаря семейным фотографиям и реликвиям. Другие были стерильными.

Гамаш проследил за взглядом Бовуара. Прошли годы, десятилетия с тех пор, когда он сидел в открытом общем пространстве. За столом, как и все остальные.

Такой же следователь, как и любой другой.

Он не испытывал ни малейшего унижения, хотя предложение делалось ему именно с этой целью – унижить его. Он чувствовал себя вполне в своей тарелке. Очень даже в своей. Начальствовал кто-то другой, а он мог заняться конкретной работой.

– Если ты не против, я займу тот стол. – Он показал на пустой стол напротив Клутье.

– Он весь ваш, – сказал Бовуар, обнимая Гамаша за плечи. – Если что-то понадобится или просто захочется поговорить, моя дверь всегда открыта.

Видимо, такими же словами он встречал молодых новобранцев.

– Когда, ты говоришь, у тебя последний день?

Бовуар рассмеялся:

– Хорошо, что вы вернулись. Сэр.

Гамаш сделал глубокий вдох. Здесь пахло потом. Кофейной гушей, пригоревшей ко дну стеклянного чайника. И так день за днем. Год за годом.

Разумному человеку могло показаться, что в отделе, расследующем убийства, никто так и не научится выключать чайник. Или мыть его.

Здесь пахло папками и бумагами. И ногами.

Здесь витал знакомый запах.

Когда взволнованный агент Гамаш вошел сюда в свой первый день в отделе по расследованию убийств, тут стоял дикий шум. Агенты кричали что-то друг другу. Звонили телефоны. Трещали пишущие машинки.

Теперь голоса звучали приглушенно, мягко позванивали сотовые, тихонько постукивали клавиатуры компьютеров.

Plus ça change, plus c'est la même chose.

Чем больше перемен, тем больше все идет по-прежнему.

Технологии изменились, но работа осталась все той же.

Убийцы по-прежнему убивали, а агенты полиции по-прежнему их искали и находили.

Только сейчас понял Гамаш, как сильно тосковал он по всему этому в глубине души.

По мосту Шамплена они переправились с острова Монреаль на южный берег.

Гамаш сидел на пассажирском сиденье, Клутье – за рулем. Река Святого Лаврентия, текущая под мостом, была забита расколотым льдом – весеннее таяние делало свое дело. Реки по всему Квебеку замерзали и таяли, потом снова замерзали. Возникали массивные ледяные заторы. Рекам, разбухшим от тающего снега и апрельских дождей, некуда было деваться. Разве что выйти из берегов.

Половодье случалось каждую весну. Однако Гамаш видел, что в этом году все по-другому.

Он боялся высоты и, проезжая по этому величественному мосту, предпочитал смотреть перед собой. Но теперь он заставил себя взглянуть вниз. Чувствуя легкое головокружение, он ухватился за дверную ручку и посмотрел за край моста, на громадные рваные ледяные торосы, тянущиеся к нему из реки.

Насколько хватало глаз, по всей реке громоздился лед. Растрескавшийся и вставший дыбом. Плывущий своим путем.

Повернувшись вперед, Гамаш снова начал дышать, с каждым вдохом моля Бога дать им хорошую погоду и растопить заторы. Растопить вставшие реки. Освободить их, пока они сами не вырвались на свободу.

Но, глядя, как дворники на других машинах сметают снег с лобовых стекол, он подумал, что обстановка не выглядит обнадеживающей. Да и небо впереди было затянуто тучами.

– Расскажите мне, что вы знаете, – сказал он агенту Клутье.

– Вивьен Годен и Карл Трейси живут на ферме неподалеку от Кауансвилла. Перед нашим отъездом я кое-что накопала. Вчера после звонка Омера местное отделение полиции посылало кого-то в их дом. Они искали, но ничего не нашли. Никаких свидетельств насилия.

– И никакой мадам Годен.

– Никакой. В прошлом их три раза вызывали в этот дом, причина – домашнее насилие. Но каждый раз, когда они приезжали, мадам Годен аннулировала жалобу и не впускала их в дом.

Значит, ее отец был прав, подумал Гамаш. В доме происходило что-то дурное.

– Полицейским теперь не требуется формальной жалобы, – сказал он. – Они могут проинформировать арест, если сами видят свидетельство насилия.

– Да, но, наверное, свидетельств было недостаточно.

– А значит, и арестов не было?

– Non.

Некоторое время они ехали в тишине, каждый смотрел в серый сырой день, размышляя.

Гамаш – об этой молодой женщине, Вивьен Годен.

Клутье – об Омере, отце Вивьен.

Когда она свернула с шоссе, Гамаш проинструктировал ее о дальнейших действиях:

– Нам нужно собрать как можно больше информации, перед тем как ехать к ней домой и говорить с ее мужем. У нас будет одна попытка, прежде чем он выпвырнет нас из своей собственности. Мы должны сделать так, чтобы каждый наш вопрос был весомым. На следующем перекрестке сверните, пожалуйста, к местному отделению. Это ведь они отвечали на вызовы?

– Да, но я уже говорила с ними.

– Говорить по телефону и говорить, глядя в глаза, – вещи разные. Кроме того, тут возникает вопрос об уважении. Это их территория. Мы не можем просто приехать и начать задавать людям вопросы. К тому же нам, вероятно, понадобится их помощь.

Еще через несколько минут они свернули к городку.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Гамаш, показывая на угловую улочку, а затем на невысокое здание с эмблемой Квебекской полиции на фасаде.

Глава пятая

– Bonjour. Я старший инспектор Гамаш, со мной агент Клутье. – Он подsunул удостоверение под стеклянную перегородку, и дежурный взял его. – Мы бы хотели увидеть командера Флобер, s’il vous plait¹¹.

Человек в гражданской одежде, сидевший за стеклом, взглянул на удостоверение, потом на полицейских и показал на жесткую скамейку, где сидел ссутулившись какой-то пьяница:

– Подождите там.

– Merci, – сказал Гамаш и сел под фотографией премьер-министра Квебека – человека, ответственного за его разжалование.

Закинув ногу на ногу, он откинулся назад и стал ждать, глядя в никуда.

Клутье принялась ходить туда-сюда, проверяя сообщения на своем телефоне, разглядывая постеры, фотографии, предупреждения, положительные отзывы на стене. Фотографии игроков хоккейной команды Квебекской полиции. Она проверила эсэмэски на компьютере. Снова.

Наконец появилась командер Флобер и быстро прошла по коридору, на ходу протягивая руку:

– Старший суперинтендант...

– Инспектор, – поправил ее Гамаш, спрашивая себя, сколько еще раз ему придется делать это. – Старший инспектор.

Он поднялся на ноги.

– Брижит Флобер, – представилась командер, пожимая ему руку.

– Да, я помню, – сказал Гамаш.

Будучи старшим суперинтендантом, он поставил перед собой задачу посетить все провинциальные отделения. Посидеть с начальниками отделений, а тем более с остальными агентами. Увидеть их глазами то, что нуждается в улучшении.

– Извините, что заставила вас ждать.

Командер Флобер посмотрела на Гамаша изучающим взглядом – такие взгляды становились для него все более знакомыми. Он подозревал, что придется привыкнуть к ним.

В отличие от тех любопытствующих взглядов, которые он обычно встречал на улице, когда прохожие пытались опознать знакомое лицо. Теперь в этих взглядах было не столько узнавание, сколько осуждение.

Флобер недовольно покосилась на дежурного, который этого даже не заметил, и повернулась к агенту Клутье, когда Гамаш представил ее.

– Пожалуйста, пройдемте со мной, – сказала Флобер.

Они последовали за ней вглубь здания, к ее кабинету, шагая мимо столов, за которыми сидели полицейские. Те бросали на посетителей рассеянный взгляд и снова погружались в свои дела.

А потом опять поднимали голову, поняв, что крупный человек в куртке – не кто-то чужой, а бывший глава всей их чертовой конторы.

Со своей стороны, Гамаш осматривал комнату, встречая взгляды, поспешно отводимые в сторону.

Один полицейский привлек его внимание. Плотный, но не толстый, крепко сбитый мужчина. Он сидел за своим столом, и если другие спешили отвести глаза, то этот не сделал ничего подобного.

---

¹¹ Пожалуйста (фр.).

Гамаш перевел взгляд вперед, но не раньше, чем сообразил, что знает этого человека. Где-то видел его.

Мужчина лет тридцати, с короткими темными волосами. Широкоплечий. Рост шесть футов, возможно, шесть футов один дюйм, хотя определить точнее рост сидящего человека затруднительно.

Где он встречал этого полицейского? В академии? Может, читал ему лекции? Или награждал медалью? За службу? За храбрость?

Нет, ничего такого. Он бы вспомнил. И все же он знал этого человека.

К тому же было кое-что особенное в его глазах. Если остальные полицейские смотрели с любопытством, то этот – с настороженностью.

Коммандер показала им на стулья по другую сторону своего стола и закрыла дверь.

– Как я могу вам помочь? – спросила Флобер.

Гамаш снял куртку и кивнул агенту Клутье, чтобы начинала.

– Мм. Значит... – Она попыталась собраться. – Нас интересует одна местная женщина. Вивьен Годен. Насколько нам известно, она пропала.

Фотография Вивьен легла на стол коммандера.

Флобер увидела молодую женщину. Прямые каштановые волосы зачесаны назад и собраны в хвост. Глаза светлые, пронзительно-голубые. Она не выглядела особенно счастливой, но в то же время не казалась злой или расстроенной. Вивьен Годен выглядела как-то невыразительно.

В реальной жизни она, возможно, была привлекательна, но эта фотография выжала из нее всю жизнь, сделала ее красивое лицо тусклым.

Коммандер Флобер оторвалась от фотографии и посмотрела на Клутье, потом на Гамаша и снова на Клутье:

– К сожалению, я с ней не знакома. Вы говорите, она местная?

– Да. Она замужем за Карлом Трейси.

– А-а, Трейси я знаю.

Флобер подошла к двери и позвала одного из полицейских. Того, кто привлек внимание Гамаша, когда они шли в кабинет.

– Это агент Камерон.

Гамаш поднялся и сразу же увидел, что ошибался. Не шесть футов и даже не шесть футов и один дюйм. В этом человеке было не меньше шести футов трех дюймов. И сложен он был более чем солидно.

Его лицо на расстоянии казалось ничем не примечательным.

Но это представление изменялось, стоило ему подойти поближе. Примечательным в нем были шрамы. Один рассекал его губы, другой – левую бровь. Правая скула была чуть-чуть приплюснута. Как и нос.

Гамаш заметил также – хотя это трудно было не заметить – кольцо на пальце Камерона.

Вот откуда он его знал.

– Patron, – сказал Камерон.

Гамаш показал на кольцо:

– Превосходная игра. Я там был. «Алуэттс» налетели сзади. У вас были впечатляющие блокировки. Одна из них в конце третьей четверти, да? Она позволила квотербеку бежать на тачдаун.

– Верно. – Камерон улыбнулся, и его мощная рука отпустила руку Гамаша. Он остался стоять, втиснутый в маленькую комнату. – Давно это было.

– Не так уж и давно. Вы – Роберт Камерон, n'est-ce pas?¹²

---

¹² Не так ли? (фр.)

– Да. Боб.

Этот человек был блокирующим полузащитником в «Монреаль Алуэттс». Несколько лет назад помог им выиграть Кубок Грея Канадской футбольной лиги.

А теперь он работал в Квебекской полиции.

Его каштановые волосы были коротко подстрижены, глаза смотрели сосредоточенно. Глаза спортсмена. Человека, который всегда точно оценивает обстановку. И готов действовать и реагировать.

Это качество полезно и для агента полиции, подумал Гамаш. Если только реакция не становится чрезмерной. У человека таких размеров реакция могла быть жестокой. Даже смертельно опасной.

Но когда Камерон заговорил, это звучало как шепот. Голос у него оказался низким, отчетливым, скорее тихим, чем мягким. Многие крупные люди любят верховодить, командовать существами меньших размеров. Устрашать своим ростом и обуздывать. Но Боб Камерон был явно озабочен тем, чтобы люди в его присутствии чувствовали себя спокойно. Пытался вписаться в мир, не созданный для него.

Это очаровывало и одновременно озадачивало. Потому что Гамаш видел, как этот человек играет в футбол.

Он видел, на что способен Камерон. Что он умеет. Что ему нравится. И это касалось не только блокировок и перехватов. Это касалось нанесения ущерба плоти и костям.

Гамаш с удовольствием отметил, что вне игры и в форме Квебекской полиции Боб Камерон не производил впечатления громилы. По правде сказать, он даже напомнил Гамашу его сына Даниеля. Тот был выше отца, массивнее, что не мешало ему быть мягким и вдумчивым. Хотя и у него была другая сторона.

Гамаш понимал, что было бы ошибкой наделять агента Камерона качествами, присущими его сыну, но все же он поймал себя на том, что симпатизирует этому человеку. Сохраняя в памяти образ левого полузащитника в действии. Захват игроков другой команды. Швыряние их на землю.

– Боб, ты слышал о пропавшей женщине? – спросила командер. – Вивьен...

– Годен, – подхватил Камерон. – Oui. Ее отец звонил вчера, а сегодня утром я говорил с монреальским агентом. – Он повернулся к Клутье. – С вами?

– Oui.

– Случилось что-то еще? Она не...

Камерон знал, что Гамаш вернулся в отдел по расследованию убийств. И, как и все в их отделении, во всей Квебекской полиции, а возможно, и во всей провинции, он читал утром посты в социальных сетях.

Но он ничего не слышал о том, что обнаружено тело, уже не говоря о конкретном теле.

– Нет, – ответил Гамаш. – Однако мы подумали, что стоит оглядеться тут, если вы не возражаете.

– Я не против, но, как я уже говорил ее отцу, мы не считаем ее пропавшей.

– Почему?

– После его звонка в дом ездили агенты. Говорили с Трейси. Когда ему сообщили, что его жена не появилась в доме отца, он рассмеялся. Сказал, что ничуть не удивлен. Сказал, что она могла уехать с каким-нибудь любовником.

– Это не... – начала было Клутье, но Гамаш знаком велел ей замолчать.

– И они ему поверили? – спросил он.

– Не на все сто, конечно. Они посмотрели в доме, в дворовых постройках. Мадам Годен нигде не оказалось. Ее машины не было, и они не увидели никаких следов насилия. Им пришлось уехать.

– Вы говорите «они», – сказал Гамаш. – Вас с ними не было?

- Нет. У меня было другое задание.
- Понятно, – кивнул Гамаш. – Мы слышали, что поступали жалобы на домашнее насилие.
- Да. Я выезжал по тем вызовам, но мадам Годен ни разу не выдвинула обвинений.
- Это не обязательно, – напомнил Гамаш.
- Я знаю, но она не хотела, чтобы мы что-то делали. Просила нас уехать.
- Мадам Годен нет ни дома, ни у отца, – сказал Гамаш. – Где она, по-вашему, может находиться?
- Честно?
- Да, пожалуйста.
- Она явно подвергалась домашнему насилию. Я пытался ей помочь. Когда от нее поступил первый вызов, я дал ей телефон местного приюта.
- Вы полагаете, она там? – спросила Клутье.
- Я звонил и спрашивал. Ее там нет. Думаю, она просто уехала. Сняла номер в каком-нибудь мотеле, чтобы быть как можно дальше от Трейси.
- Тогда почему она не поехала к отцу? – спросила Клутье.
- Может, просто хотела побыть наедине с собой.
- Ответ этот казался до странности неудовлетворительным.
- Гамаш немного подумал и спросил:
- Сотовый у нее есть?
- Нет. Там, наверно, нет сигнала.
- Вы, кажется, не очень обеспокоены, агент Камерон, – заметил Гамаш. – Исчезла женщина, подвергавшаяся домашнему насилию, а вы занимаетесь текучкой?
- Я обеспокоен! – рявкнул в ответ Камерон, но тут же дал задний ход. – *Désolé*.
- «Все-таки вспыльчивый», – отметил про себя Гамаш.
- Да, я обеспокоен, – сказал Камерон. – Я знаю, какой мерзавец этот Трейси. Но к тому моменту она отсутствовала всего несколько часов. Я собирался подождать до сегодняшнего полудня, а потом включить ее в список пропавших.
- Они посмотрели на часы – было половина одиннадцатого.
- Позвольте узнать, почему вы приехали? – спросил Камерон. – Как вы вообще узнали о ней?
- Ее отец сообщил мне о ней сегодня утром по электронной почте, – сказала Клутье. – Мы старые друзья.
- Значит, это все неофициально? – спросил Камерон.
- Нет-нет, – ответил Гамаш. – Вполне официально. Возможно, вы правы и она прячется где-то в мотеле. Но давайте убедимся. – Он обратился к командеру: – Вы можете объявить розыск? И чтобы информация обязательно дошла до всех приютов в провинции.
- *Oui, absolument*¹³.
- А что вам сказали ее друзья?
- Я их не опрашивал, – ответил Камерон.
- Почему?
- Потому что активное расследование не проводилось. Послушайте, если Вивьен хочет побыть одна, то я ни в коей мере не буду ее винить. Не хочу разыскивать ее для ее мужа.
- Но это не для него, – сказала Клутье. – Это для ее отца. Он ждал ее в субботу вечером. Сегодня понедельник. Вы не думаете, что она бы уже ему позвонила, если бы все было в порядке?
- Может быть, она и его боится, – возразил Камерон. – Может быть, они не ладят.

---

¹³ Да, конечно (*фр.*).

– Тогда почему она сказала, что едет к нему? С ней наверняка что-то случилось. Куда еще она могла обратиться? Где еще она чувствовала бы себя в безопасности?

Гамаш подозревал, что это так. Однако из собственного опыта он знал, что люди, спасающиеся от насилия, нередко совершают роковую, хотя и понятную ошибку.

Они отправляются туда, где чувствуют себя в безопасности. К семье, к лучшим друзьям.

Очевидные места, где им окажут помощь. Но также очевидные места, где их станут искать.

Куда в первую очередь отправится насильник, если не к семье и не к друзьям?

Если Вивьен Годен уехала от мужа-насильника, то Гамаш надеялся, что она изменила планы и вместо отца поехала в какой-нибудь мотель. Или приют.

– Это та самая женщина, с которой вы встречались? – Он показал на фотографию на столе.

– Да, это она, – ответил Камерон своим тихим голосом.

Но Гамаша трудно было провести. Он видел этого человека в игре. Радовался, когда «Алуэттс» выиграли Кубок Грея в тот снежный день. Видел, с какой яростной радостью Камерон врзался в наступающие защитные блоки. Как он всей своей мощью защищал своего кватербека. И он определенно был мощен, даже сейчас.

Тем не менее что-то встревожило Гамаша. Эти его шрамы. Футбольные игроки носят шлемы с решетками для защиты лица. Они получают сотрясения, вывихи рук и ног, но зарабатывать такие шрамы на лице практически невозможно.

Гамаш знал, что такие шрамы происходят от ударов другого рода.

– Когда конкретно она просила о помощи в первый раз?

– Где-то прошлым летом. Я выезжал к ней.

– Вы явно помните тот случай, – сказал Гамаш.

Он увидел, как покраснел Камерон, и намотал это на ус.

– И она вызывала вас несколько раз? – спросила Клутье.

– Не меня, а службу «девять-один-один». Но да, несколько раз, главным образом когда приходили чеки социального обеспечения.

– Они безработные? – уточнил Гамаш.

– Да, хотя Трейси занимается гончарным ремеслом.

– Гончарным? – переспросил Гамаш, не уверенный, что правильно услышал. – Из глины?

– Вот-вот. Изготавливает вещи, которые не нужны людям. Бесполезные. Как и он сам.

Карл Трейси – художник? А впрочем, почему бы и нет? Гамаш знал немало художников, в основном благодаря Кларе, и успел понять, что зачастую это не самые надежные и не самые благовоспитанные люди.

– Когда вас вызывали туда в последний раз? – спросил Гамаш.

– Две недели назад. И она опять отказалась от помощи.

– Зачем вызывать помощь, а потом от нее отказываться? – удивилась Клутье. – Какая-то бессмыслица.

– Она просто хотела прекратить побои, – объяснил Камерон. – Но не хотела, чтобы его задерживали. Наверное, понимала, что через несколько часов его выпустят и тогда ей не поздоровится.

Гамаш кивнул. В системе имелся ужасный изъян. Она должна была помогать подвергшимся насилию, а на деле подвергала их еще большей опасности. Еще худшему насилию.

– Там мы больше ничего не могли сделать, реально, – сказал Камерон.

– Реально?

– Сэр? – откликнулся Камерон.

– Вы сказали, что ничего не могли сделать... реально. – Гамаш выдержал паузу, чтобы его слова возымели действие. – Но кое-что вы все же сделали?

Камерон помедлил, прежде чем ответить:

– На прошлой неделе я встретил Карла в городе, отвел его в сторонку и предупредил.

– Что вы ему сказали? – спросил Гамаш.

– Я ему сказал вот что: я знаю, что он избивает жену, и если от нее поступит еще одна жалоба, то я выбью из него дурь.

– Что-что? – переспросил Гамаш.

А Клутье пробормотала:

– Отлично.

Гамаш встал и повернулся лицом к этому верзиле.

Маленький кабинет как будто стал еще меньше. Атмосфера накалилась.

– Ты не должен был так поступать, – сказала командер Флобер, поняв, что должна произнести какие-то слова, хотя в ее голосе не прозвучало упрека.

– А что тут плохого? – спросил Камерон, обращаясь к Гамашу. – Он должен был знать.

– Знать что? – спросил Гамаш. – Что копы с удостоверениями и оружием будут судьями и присяжными и сами будут выносить приговоры? Вы хотели, чтобы он знал, что избиение как наказание за избиение – это метод работы Квебекской полиции? Неужели вы хотели отказаться от всех нравственных основ общества?

Гамаш говорил четко и медленно. Тщательно подбирая слова и глотая те, что сами рвались наружу. Но его гнев отчетливо проявлялся в его абсолютном спокойствии. И в каждом строго контролируемом слове.

– Угроза насилия недопустима. Вы сотрудник Квебекской полиции, а не головорез. Вы задаете тон, создаете атмосферу. Вы ведете себя как образец, осознанно или бессознательно.

– Я действовал из опасений за уязвимую женщину, беременную женщину и ее нерожденного ребенка. А не за все население Квебека.

– Это одно и то же. Ни один гражданин не может чувствовать себя в безопасности в государстве, где полиция считает возможным избивать тех, кто ей не нравится. Берет закон в свои руки.

– А вы ничего такого не делали? – спросил Камерон.

– Агент Камерон! – осадила его командер Флобер.

Но было поздно. Слова прозвучали, красная черта была пересечена.

У Клутье отвисла челюсть, но она ничего не сказала, просто смотрела на двух мужчин, уставившихся друг на друга.

– Делал, – ответил Гамаш. – И заплатил за это. Знал, что придется платить. И знал, что по справедливости должен заплатить. Вы, кажется, считаете, что вы абсолютно вправе угрожать побоями. И даже приводить угрозу в исполнение. И думаете, что такие дела сойдут вам с рук.

У Камерона не нашлось возражений.

– На каком этапе, по вашему мнению, угроза насилия уместна?

– На том этапе, сэр, когда я понимаю, что закон не может защитить Вивьен Годен.

– И вы так поступаете? Громоздите насилие на насилие?

– Если бы вы видели ее...

– Я видел вещи и похуже.

Эта истина, ее ужас тяжелым грузом навалились на них в маленьком кабинете командера.

– Я не говорю, что происходившее с Вивьен Годен в порядке вещей, – продолжал Гамаш более мягким тоном. – Конечно не в порядке. Конечно, возникает искушение сделать что-нибудь, что угодно, чтобы прекратить это. Ужасно, когда мы, люди, поклявшиеся защищать, не можем выполнить клятву. Когда человек, о виновности которого нам доподлинно известно, оказывается недостижим. Когда он продолжает нарушать закон, а мы бессильны ему помешать. Но гораздо хуже, когда коп становится на путь преступления. Вы меня понимаете?

– Да, сэр.

– Реально? – спросил Гамаш.

Агент Камерон какое-то время размышлял над ответом и наконец кивнул.

– Это еще не все, – произнес Гамаш своим обычным голосом. – Вы не думали о том, как такая угроза подействует на человека вроде Карла Трейси? Вы действительно считаете, что угроза пугает его и он перестанет применять насилие к жене? А если она приведет его в еще большую ярость? И на ком он будет вымещать эту ярость? На вас – или на своей жене?

Наступила пауза – Камерон обдумывал вопрос, который раньше не приходил ему в голову.

– Последствия, – сказал Гамаш. – Мы всегда должны думать о последствиях наших действий. Или нашего бездействия. Это не обязательно изменит наши поступки, но мы должны отдавать себе отчет о последствиях. Таков договор, заключенный между нами и народом Квебека: люди с полицейскими удостоверениями и оружием должны себя контролировать.

– Да, сэр.

– Bon¹⁴.

По крайней мере, теперь он понял, почему Камерон сам не поехал вчера на ферму.

Гамаш снова сел:

– Продолжайте, агент Клутье.

Воздух в кабинете все еще потрескивал от напряжения, но атмосфера возвращалась к нормальной.

– Вы не знаете, у Вивьен были какие-нибудь друзья, с кем мы могли бы поговорить? – спросила Клутье. – Кто-нибудь, у кого она могла бы находиться сейчас?

Камерон отрицательно покачал головой:

– Трейси не называл никаких имен, и никто не появился, не выказал беспокойства.

Они получили представление о жизни Вивьен, и то, что им открылось, не радовало.

Женщина, изолированная на отдаленной ферме. Это один из тревожных указателей на вероятность жестокого насилия. Полного контроля над жертвой.

– Может быть, какие-то слухи? – не унималась Клутье.

– Вы имеете в виду любовный роман? – спросил Камерон. – Если что и было, то мне об этом неизвестно.

– А у Трейси есть какие-нибудь друзья?

– Собутыльники, – ответил Камерон. – Но даже они, похоже, исчезли. Когда я в последний раз видел его в городе, он выпивал в одном заведении на окраине.

– Название? – спросила Клутье, начиная входить во вкус.

– «Le Lapin Grossier».

– «Грязный кролик?» – спросила она, пока он писал название.

– Скорее вонючий, – ответил Камерон.

– «Непристойный кролик», – уточнила Флобер. – Это заведение со стриптизом.

Разговор подходил к концу.

– Спасибо за помощь, – сказал Гамаш, вставая.

Он снял свою куртку со спинки стула.

– Что вы будете делать теперь, позвольте узнать? – спросил Камерон.

– Мы собираемся навестить месье Трейси, – ответил Гамаш.

– Хотите, чтобы я поехал с вами?

Гамаш заколебался. Он почти готов был отклонить предложение, в свете последней встречи Камерона с Карлом Трейси, но вдруг подумал, что это может пойти им на пользу. Да,

---

¹⁴ Хорошо (фр.).

Камерон не имел права угрожать Трейси, но дело уже сделано. Гамаш, будучи реалистом, знал, что если он появится с этим агентом, то шансы пролить свет на истину повышаются.

– Если вы не возражаете, – обратился Гамаш к командеру, и та кивнула. – Это будет полезно. Вы покажете нам дорогу.

– Сейчас, только возьму куртку, – сказал Камерон.

Когда он вышел, командер сказала:

– Мне очень жаль, что он угрожал Трейси. Я не знала.

– Вот как? Жаль?

Командер Флобер покраснела:

– Я понимаю, почему он так себя вел.

Гамаш задумался на секунду, глядя на закрытую дверь, за которой исчез этот крупный человек.

– А что за шрамы у него на лице? – поинтересовался он. – Непохоже на спортивные травмы.

– Непохоже. Отцовское наследство.

Гамаш глубоко вздохнул и покачал головой. Получается, что Боб Камерон превратил свою боль, страдания, ощущение предательства во что-то полезное? В спорт? А теперь в защиту других?

Или он научился у отца чему-то другому?

Гамаш вспомнил тот холодный монреальский день и ту игру. Он сам, Рейн-Мари и их сын Даниель, закутанные в одеяла, смотрят финал Кубка Грея. Они слышат столкновения, стоны, крики с поля.

Они видят проявление жестокости, когда мощный левый полузащитник нашел жертву. И вот он стоит над сбитым на землю игроком команды противника и распахивает руки в первобытной демонстрации доминирования.

Под дикие аплодисменты. Под одобрительные крики.

Не занимается ли он этим и сейчас, но только в полицейской форме?

Уже в машине, следуя за автомобилем агента Камерона, Гамаш спросил у агента Клутье:

– Что вы о нем думаете?

– О Камероне? Не знаю.

– А вы подумайте.

Она наморщила лоб:

– Он называл ее «мадам Годен», но когда сердился, то называл по имени.

– Oui. Во время вашего утреннего разговора вы упоминали, что она беременна?

Клутье мысленно вернулась к этому разговору:

– Нет.

– Понятно.

Тем не менее агент Камерон знал, что Вивьен ждет ребенка.

Откуда ему это стало известно?

Когда они подъезжали к ферме под постукивание дворников, сбрасывавших мокрый снег с лобового стекла, агент Клутье принялась делать то, что всегда делала во время сильного стресса.

Дважды четыре будет восемь.

Трижды пять будет пятнадцать.

Ее таблицы умножения. Аккуратно разбитые на ряды и колонки.

Пятью четыре будет...

Ее медитация. Ее счастливое место. Никакой хаос не выживет среди плотно упакованных цифр. Все на своем месте. У себя дома. Безопасно. Предсказуемо. Известно. У каждого вопроса есть ответ.

...двадцать.

В ее таблицах не происходило никаких ужасов с беременной дочерью старого друга.

Шестью шесть...

Вот только Клутье знала: что-то все же произошло. И им предстояло найти ответ.

...тридцать шесть.

Вивьен отсутствовала уже тридцать шесть часов.

Глава шестая

– Что ты об этом думаешь? – спросил Габри у Клары, когда они стояли на каменном мосту и смотрели вниз, на реку Белла-Белла.

Ему пришлось напрячь голос, чтобы перекричать рев воды.

Бегущая под ними река, такая чистая и тихая летом, сегодня кипела. Она превратилась в бурлящее месиво из коричневой пены, ледяных обломков, веток деревьев, попавших в воду во время весеннего разлива.

Все так естественно. Все так предсказуемо.

Но была одна проблема.

Избыточность. Воды было слишком много. Слишком много льда. Слишком много леса несли воды реки.

Габри и Клара повернулись и посмотрели вниз по течению.

– Черт, – пробормотала Клара, потом повысила голос: – Тут образуется затор. Я думаю, пора браться за мешки с песком.

– Кто-то говорит про мешки с песком? – спросила подошедшая к ним Рут.

Ее коротко стриженные седые волосы были убраны под траченный молью шерстяной шарф, концы которого она связала под подбородком, отчего стала похожа на страдающего от зубной боли пожилого викторианского джентльмена. И на утку.

– Послушай, Рут, – заговорил Габри с преувеличенным терпением. – Мы это уже проходили. Когда мы призываем волонтеров заполнять мешки песком, это не значит, что мы собираемся устроить битву носками, заполненными песком.

– Дерьмо, – сказала Рут.

– Нет, – возразил Габри. – Вовсе не дерьмо, как мы выяснили прошлой весной.

Клара перешла на другую сторону моста и посмотрела на свой сад, выходящий на Белла-Беллу. За последний час река быстро поднялась, и оставались считанные дюймы до того, как она выйдет берегов.

– Я никогда не видел, чтобы она поднималась так рано, – заметил Габри, подойдя к Кларе.

– Ты говоришь про реку или про Рут? – спросила Клара.

Габри рассмеялся, потом внимательнее присмотрелся к их соседке.

Рут выглядела вполне серьезной, даже мрачной. Зато утка казалась оловянной. Правда, у уток такой вид не редкость.

– Что ты об этом думаешь, Рут? – спросил Габри громким голосом, преодолевая рев воды и естественную склонность Рут ничего не слушать.

Она была старейшим жителем Трех Сосен, и насчет ее возраста ходили разные разговоры.

«Мы нашли ее под камнем», – любил рассказывать Оливье, партнер Габри. Рут и в самом деле немного напоминала окаменелость.

Кроме всего прочего, она занимала должность шефа добровольной пожарной команды, не потому, что была прирожденным лидером, а потому, что жители деревни скорее предпочли бы войти в горящий дом или разлившуюся реку, чем попасть на острый язык Рут Зардо.

Рут запрокинула голову и посмотрела на небо. Оно перестало ронять снег, но все еще грозило пролиться влагой того или иного вида. То есть именно тем, чего им никак не требовалось.

– Я думаю, мы должны заказать больше песка, – заговорила Рут, опуская глаза на реку. – Я проверяла вчера кучу за старым вокзалом, и у нас там его достаточно для нормального половодья, а нынешнее нормальным мне не кажется.

Если кто и знал толк в ненормальном, то это Рут.

– Такую высокую воду я видела только однажды, – продолжила она. – Да, мне кажется, самое время.

– Самое время для чего? – спросила Клара.

– Для очередного наводнения века.

– О черт, – выругался Габри. – Фак, фак-перефак. Merde. – Он помолчал. – Что еще за наводнение века?

– По-моему, название говорит само за себя, – заметила Клара.

Они последовали за Рут, которая двинулась в сторону бистро.

– Наводнение века случается раз в сто лет, верно? – прошептал Габри Кларе.

– Я бы сказала, да.

– Тогда как Рут могла видеть предыдущее? – Он понизил голос еще больше. – Сколько ей лет?

– Понятия не имею. Я до сих пор не могу толком подсчитать, сколько лет утке, – сказала Клара.

И в этот момент Роза, шествующая на руках у Рут немного впереди, повернула голову на сто восемьдесят градусов и сердито посмотрела на них.

– Утиная дьяволица, – прошептал Габри. – Если она развернет голову на триста шестьдесят градусов, я убегу в горы.

Но Роза отвернулась от них и уютно устроилась на сгибе руки Рут. И заснула.

Либо она не интересовалась подъемом воды, либо ее это мало волновало.

Впрочем, подумала Клара, когда они вошли в бистро, утки умеют летать. А люди – нет.

Колеса прокручивались в густой грязи, и машину водило из стороны в сторону.

Весенняя оттепель снова принесла надежду и дорожную жижу. Наступил прекрасный грязный сезон.

– Стоп-стоп, – сказал Гамаш. – Arrêt¹⁵, – скомандовал он, когда Клутье в очередной раз нажала на газ.

И машина соскользнула еще на несколько футов в сторону, к канаве.

Перед ними скользила назад патрульная машина Камерона. Прямо на них.

– Сдавайте назад, – сказал Гамаш. – Медленно.

Его голос звучал спокойно и ровно, хотя он видел, что машина Камерона прибавляет скорость на крутом склоне.

– Вы должны... – начал он.

– Я знаю, знаю.

Клутье переключила рукоятку на задний ход и прикоснулась к педали газа. Гамаш напрягся, наблюдая за приближающейся машиной Камерона, пока Клутье держала ногу на педали и их машина набирала скорость.

Когда полицейские машины встретились, раздался негромкий удар. Клутье умело придерживала тормоза, и обе машины теряли скорость, пока не остановились на обочине.

Она идеально осуществила маневр. Гамаш сомневался, что у него могло получиться так же.

– Великолечно, – сказал он и увидел улыбку на ее лице.

– Пожалуйста, не просите меня повторить.

Он рассмеялся:

– Поверьте мне, агент Клутье, если потребуется еще раз сделать что-либо подобное, я в первую очередь обращусь к вам.

---

¹⁵ Остановка (фр.).

Камерон вышел наружу и заскользил к ним, держась за машины. Наконец он остановился у окна Гамаша:

– Это было здорово. Merci. – Он наклонился и посмотрел на Гамаша. – Что теперь?

– Теперь, – сказал Гамаш, хватая шапку и перчатки, – мы пойдем пешком.

Клутье взглянула вверх по склону:

– До их дома не меньше километра.

– Тогда нам лучше поспешить, – сказал Гамаш.

Он вышел из машины и огляделся.

Пухлые апрельские снежинки перестали падать с неба, воздух был прохладный и свежий. Гамаш сделал глубокий вдох, ощутил сладковатый запах сосен, и прелых листьев, и дорожной жижи.

И услышал...

– Что это? – спросила Клутье, наклонив голову к плечу.

– Река, – ответил Камерон. – Вероятно, лед тронулся. Начался весенний паводок.

Гамаш повернулся на звук, исходящий из леса. Вода устремлялась вниз по склону холма. Звук в сельском Квебеке такой же привычный, как звук сирен в городе.

Сегодня утром, когда он выезжал из Трех Сосен в Монреаль, все было тихо. Если не считать легкого шороха, с каким громадные снежные хлопья падали на деревья, дома и автомобили.

Но за это время что-то сломалось, что-то проснулось. Что-то отнюдь не тихое.

Гамаш сделал еще один глубокий вдох, но уже с меньшим удовольствием.

Весной, с потеплением, много чего просыпалось. Медведи. Бурундуки. Скунсы и еноты. И реки.

Они пробуждались к жизни.

Мало что было мощнее, или разрушительнее, или ужаснее, чем голодный медведь или река в половодье.

Гамаш точно знал, куда текут воды этой реки. Хотя он никогда не бывал здесь прежде, но географию района знал неплохо. Они находились совсем рядом с Тремя Соснами.

А это означало, что они слышат рев Белла-Беллы, несущей свои воды в их деревню.

Он достал телефон, чтобы позвонить Рейн-Мари, предупредить ее, узнать, как обстоят дела, но Камерон говорил правду: сигнал здесь отсутствовал.

Гамаш убрал телефон в карман, повернул голову и посмотрел на покрытую жижей дорогу.

– Идемте, – сказал он и двинулся вверх по склону.

– Лотерейный билет, – сказала Изабель Лакост, глядя поверх папки на Жана Ги Бовуара.

– Что?

У Лакост была пауза между двумя встречами. Она зашла поболтать, а он нагрузил ее работой – всучил папки с делами и сказал: «Посмотри-ка вот это и скажи, что думаешь».

Они сидели в дружеском молчании, читая порой отвратительные, порой незамысловатые и всегда трагические дела об убийствах. Время от времени суперинтендант Лакост задавала вопрос. Или писала замечание. Или комментировала.

– В деле Андерсона, – пояснила она. – Жертва найдена с лотерейным билетом в кармане.

– Oui. Группа коллег объединилась в лотерейный пул.

– Она сама этот пул и организовала.

– Да. – Бовуар наклонился к ней, чтобы прочитать документ, который она держала. – Однако билет оказался невыигрышным.

– Это не имеет значения.

– А что имеет?

– Все в ее отделе участвовали в этом пуле, так? Десять человек.

– Да.

– Но здесь сказано, что там работали одиннадцать человек. Одного не включили. Кого именно?

Бовуар откинулся на спинку стула и задумался. Деталь казалась незначительной, но не существует незначительных деталей, когда речь идет об убийствах. И об убийцах. Они прячутся в деталях. Незначительных деталях, которые так легко упустить.

– Ты думаешь, тот, кого не включили в пул, убил ее из-за лотерейного билета? Почему же тогда он его не забрал?

– Non. – Изабель покачала головой. Потом вдруг посмотрела на часы. – Я опаздываю на следующую встречу.

– Но постой, зачем оставлять билет, если это и есть мотив? – крикнул Бовуар ей вдогонку.

– Мотивом был не билет, а то, что этого человека не включили. И вероятно, уже не в первый раз. Что бывает, когда тебя снова и снова щелкают по носу?

Он схватил дело и пролистал его, бормоча:

– Черт. Возможно, она права.

Старший инспектор Бовуар позвал следователя, ведущего дело, и предложил ему собрать информацию о коллеге, который не участвовал в пуле.

Потом продолжил просматривать дела.

Будь он проклят, если оставит своему преемнику хаос в документах. Тем более что ему предстоит провести с этим преемником еще много праздников.

Через десять дней он, Анни и Оноре сядут на самолет до Парижа, чтобы начать там новую жизнь.

Поверить в такое было почти невозможно.

Апрель в Париже. На деревьях уже листва. Сады, разбитые в классическом стиле, полны цветов. Парижане сидят за уличными столиками кафе, наслаждаются теплом и аперитивом.

Город света во всем своем блеске.

Бовуар посмотрел на Монреаль через большое окно. Низкие тучи закрывали вершину горы Мон-Руаяль.

Снег прекратился, но мгла осталась.

Поздняя весна в Квебеке прекрасна.

А вот ранняя весна – это просто куча дерьма. Иногда в буквальном смысле. В некоторых местах.

Сейчас он почти чувствовал этот запах, в городе не очень заметный. А за городом?

После многих приездов к Гамашам в их дом в деревеньке Три Сосны Жан Ги стал гораздо ближе к природе. К сезонам. К сюрпризам. К чудесам.

Достаточно близко, чтобы убедиться, что он ненавидит деревню. Деревня грязная и непредсказуемая. И пахнет.

Бовуар никак не мог отделаться от подозрения, что у тех, кто мог бы жить в Монреале или Квебек-Сити, но выбрал деревню, попросту не хватает винтиков в голове. Это подтверждалось и его первым знакомством с жителями Трех Сосен, в особенности со старой поэтессой. Которая, похоже, совсем чокнулась и теперь сводила с ума других. По крайней мере, Жана Ги.

Мало помогало и то, что многие деревенские были англофонами. А Жан Ги был англофобом.

Они его пугали. Отчасти потому, что, хорошо владея английским, он редко улавливал нюансы. Или культурные ссылки. Кто такой Капитан Кранч? А Капитан Кенгуру? Откуда столько капитанов? Почему не генералы? Почему они едят картошку фри с кетчупом, а не с майонезом? И как объяснить, что такое сливовый пудинг? Он выглядел и пахнул, как ранняя весна.

А они его ели.

Со временем Бовуар полюбил не только деревню, но и ее обитателей. Смирился с их причудами. Как они смирились с его.

Но все же – сливовый пудинг? На слух приятно, а на вкус ужасно.

Англы.

Зазвонил его сотовый, и он немедленно ответил.

– Salut, – раздался веселый голос. – Я не вовремя?

– Если бы не вовремя, я бы не ответил.

Но они оба знали, что это неправда. Он ответил бы на звонок Анни, даже если бы шла перестрелка.

Успешный юрист, Анни устроила свой перевод в парижский офис и теперь выясняла, годится ли ее лицензия для работы адвокатом во Франции.

– Ты не смог бы сегодня вечером поехать в Три Сосны? – спросила она.

– Вообще-то, я не собирался. А что?

– Я только что звонила маме, она сказала, что Белла-Белла выходит из берегов.

– Такое происходит каждую весну.

– На этот раз все хуже. Мама притворялась беспечной, но я слышала, что она волнуется.

Она хотела убедиться, что мы с Оноре туда не собираемся.

– Все так плохо?

Только грозящая катастрофа могла бы заставить его тещу отказаться от драгоценного времени общения с дочерью и внуком.

Жан Ги сбросил ноги со стола и подался вперед.

– Им нужна помощь в укреплении берега мешками с песком, – сказала Анни. – И все же насколько там может быть опасно? Это ведь Белла-Белла, а не Святой Лаврентий или могучая Миссисипи. Худшее, что может случиться, это вода в подвале, правда? Там никогда раньше не затопляло.

Бовуар подошел к окну.

Много чего не случалось раньше. А потом вдруг раз – и случилось. Всего один раз. Убийство, например. Человека можно убить только раз. Вполне достаточно.

Да, если чего-то раньше не происходило, это не гарантия, что оно не может произойти. Или не произойдет.

И Анни была обеспокоена. Иначе она бы ни за что не позвонила и не попросила его съездить туда.

Закончив разговор, Бовуар продолжал смотреть в окно. Анни упомянула реку Святого Лаврентия. Если даже Белла-Белла выходит из берегов, то что говорить о могучей реке, которая охватывает остров Монреаль?

За небоскребами виднелась река, все еще схваченная льдом. Бовуар вздохнул с невольным облегчением. Да, это было бы проблемой...

Но потом он пригляделся внимательнее и, когда его глаза приспособились, увидел трещины во льду. И длинные тени. Глыбы льда пробивали себе путь вниз и вверх. Огромные обломки скапливались, и, если в скором времени чего-нибудь не случится, Святой Лаврентий тоже выйдет из берегов. И не просто выйдет. Сила напора может сокрушить пилоны, на которых стоят мосты.

Бовуар схватил телефон. В ожидании ответа от старшего суперинтенданта Туссен он снова подумал о Париже. Где сейчас цвели цветы.

Где будет жить его маленькая растущая семья. Жить в мире.

Глава седьмая

Ужасно! Отвратительное позерство #МорроуОтстой
Переоценена. Таланта ноль #МорроуОтстой
Сплошное дерьмо #МорроуОтстой
Запереть его #ГамашАтстой

Ослики прореагировали первыми.
Они свернули в поле и двинулись дальше. К забору. Один или два заревели.
Карл Трейси вышел из сарая и встал в дверях, наблюдая за тремя покрытыми грязью фигурами, топающими по дорожке.
Они выглядели как персонажи из фильма ужасов. Големы, идущие к нему.
Трейси протянул руку и нащупал рукоятку вил.

Гамаш поднял сжатую в кулак руку, давая им знак остановиться.
Камерон, знакомый с безмолвными боевыми жестами, остановился.
Клутье пошла дальше.
– Агент Клутье.
Когда она повернулась, Гамаш кивнул, показывая вперед, и тогда она увидела.
В открытых дверях сарая стоял человек, словно пришедший из фильма ужасов.
Он был растрепанный. Грязный. С вилами в руках.

Трейси внимательно следил за ними. Мужчины были крупные. Растрепанные. Грязные.
Женщина – маленькая и грязная.
Он покрепче ухватил рукоятку вил.

– Месье Трейси?
– Что вам надо? – прокричал он по-английски.
Гамаш поднял руки, показывая, что он без оружия, и пошел дальше. Камерон инстинктивно попытался присоединиться к нему, но Гамаш еще раз дал ему знак остановиться.
Стоять. Но в состоянии готовности.
Старший инспектор сделал несколько шагов в сторону Трейси. Ему оставалось еще шагов пятнадцать, после чего они окажутся лицом к лицу, но уже и с этого расстояния он почувствовал запах перегара.
– Мы полицейские... – начал Гамаш по-английски.
– Убирайтесь с моей земли.
– Меня зовут старший инспектор Арман Гамаш. Со мной агент Клутье. А это...
– Я знаю, кто это. – Теперь, когда расстояние между ними сократилось, Трейси узнал человека, который недавно угрожал его избить. – Пусть убирается к чертям с моей земли.
Он поднял вилы и направил их на Камерона. Потом сделал короткое колющее движение. Жест был бесполезный, почти комический.

Но Гамаш не улыбался. Держа руки по швам, он приблизился к Трейси еще на несколько шагов.

Карлу Трейси было лет тридцать пять. Мужчина чуть ниже и чуть легче Гамаша. Но если Гамаш был крепок, то Трейси не отличался физической силой. Когда он демонстрировал колющее движение, все его тело сотрясалось.

И все же Гамаш знал, что никого нельзя недооценивать. Особенно если у него в руках вилы.

Он остановился.

– Мы бы хотели поговорить с вашей женой. Вивьен Годен. Она здесь?

– Нет. Я уже сказал копам, что она уехала.

– И с тех пор вы не имели от нее известий? Она не звонила?

– Нет.

Звонил только ее психованный папаша. Каждый час звонил. Даже ночью. Угрожал. Но он не станет говорить им об этом.

Трейси заметил, что Камерон расстегнул куртку. Чтобы показать пистолет на ремне.

Черт.

Но Камерон стоял в отдалении, а этот, главный, не демонстрировал никакого оружия. Напротив, он пытался убаюкать Трейси, погрузить его в некий транс. Так тихо и спокойно звучал его голос.

Когда Гамаш сделал к нему следующий шаг, Трейси тоже шагнул вперед и выставил перед собой вилы:

– Стойте, где стоите.

Острые зубья находились всего в каком-то футе от лица Гамаша. Но он не дрогнул. Нет, он смотрел мимо зубьев. Прямо в глаза противнику.

Трейси не без тревоги отметил, что в этом взгляде не было злобы. Не было угрозы. Определенно не было и испуга. Он был задумчивым.

Трейси знал, как справляться со злостью, яростью, насилием. Но то, что он видел, сбивало его с толку. Вызывало недоумение. И немного пугало.

Гамаш, стоя на расстоянии вил от Трейси, видел его налитые кровью глаза. Чувствовал хаос в его голове.

– Сейчас я вытащу из кармана полицейское удостоверение. – Не сводя внимательных глаз с Трейси, Гамаш сделал то, о чем говорил.

Ноздри Трейси раздувались с каждым вдохом. Он жаждал броситься в атаку. И бросился бы, если бы не Камерон. И его угроза избить Трейси. А Трейси, конечно, знал, что это не пустая угроза.

Если у Гамаша не было заряженного оружия, то у него был Камерон. Биологическое оружие.

Гамаш вытащил удостоверение и протянул его Трейси, который вытянул шею и прочел:

– Тут написано, что вы старший суперинтендант.

– Мое новое удостоверение еще не готово.

– Значит, вы были большим начальником, а теперь – нет?

Трейси оказался более адекватным, чем поначалу посчитал Гамаш. Убрав удостоверение в карман, старший инспектор пожал плечами и улыбнулся:

– Запорол одно дело. Такое случается.

Он посмотрел на Трейси долгим заговорщицким взглядом. Предлагая ему попробовать догадаться, что же он сделал, чтобы заслужить подобное понижение.

Гамаш знал, что может предположить такой человек, как Трейси.

Разумеется, что-нибудь незаконное. И почти наверняка жестокое. Если Камерон воспринимался Карлом Трейси как угроза, то чего тут еще ждать...

В общем, Трейси был совершенно сбит с толку.

Гамаш вел себя вежливо, спокойно. Но давал понять, что способен и на другое.

– Что вам надо? – спросил Трейси.

– Знаете, чего бы мне по-настоящему хотелось?

– Чего?

– Воды. И воспользоваться вашим телефоном.

– Что?

– Вы не возражаете? – спросил Гамаш.

Просьба казалась такой разумной, хотя и неожиданной, что Трейси на миг потерял дар речи.

– Шланг вон там, – сказал он наконец, показывая на стену сарая. – Телефон сейчас принесу. Звоните и убирайтесь.

– Merci. Очень вам признателен.

Все смотрели на Гамаша с нескрываемым недоумением, включая и осликов. Впрочем, поведение людей часто их удивляло.

– С вами все в порядке, patron? – спросил Камерон, после того как Трейси ушел.

Он подошел к старшему инспектору и проверил, нет ли на нем крови – вдруг он ударился головой во время одного из множества падений, когда они поскальзывались и съезжали по склону.

– А что бы вы хотели, чтобы я сделал? – спросил Гамаш, когда они подошли к шлангу. – Выхватил у него вилы и отколошматил его ими?

Камерон покраснел. Откровенно говоря, на это он и надеялся. И сам поступил бы именно так.

Гамаш жестом предложил остальным напиться первыми.

– Вы могли бы потребовать встречи с Вивьен, – сказала Клутье, потянувшись за шлангом.

– Я и попросил.

– Попросили, да, но разве вы не могли надавить пожестче?

– С какой целью? Знаете, что бы он сделал? Выгнал бы нас со своей земли и был бы в своем праве. У нас нет ордера.

Гамаш оглянулся, чтобы убедиться, что Трейси еще не вернулся, и понизил голос:

– Мы должны исходить из того, что имеем дело с человеком, способным убить свою беременную жену. И все, что мы о нем знаем, подтверждает его жестокость. Склонность к насилию.

Гамаш похлопал ослика по морде, одновременно оглядывая хозяйственный двор. Он предполагал, что Трейси наблюдает за ними из окна.

Места для захоронения тела тут хватало. Хотя Гамаш сомневался, что Карл Трейси настолько глуп, чтобы закопать тело на своей земле.

Правда, люди нередко совершают глупости. Например, убивают друг друга. А Карл Трейси не показался Гамашу умнейшим из людей.

Кроме того, оставалась надежда, что Вивьен жива и просто бежала из этого ужасного места.

– Насилие, угрозы – все это он понимает, – тихо сказал Гамаш, словно обращаясь к ослику, тычущемуся в него мордой, отчего и на без того грязной куртке оставался слизистый след с примесью травы. – Наилучший способ выбить Карла Трейси из колеи – это быть с ним вежливыми. Вы обратили внимание, как он растерялся?

– Так вы хотите, чтобы мы с ним были любезны?

– Именно. Мы всегда можем потом отыграть назад. Шажками. Потихоньку. И всегда иметь что-нибудь в запасе. А еще, – сказал Гамаш, принимая шланг от Камерона, – мы должны держать кое-что в голове.

– Что он убийца, – подхватила Клутье.

Гамаш нагнулся и стал пить. Во рту у него пересохло, и, пока он глотал воду, ему вдруг подумалось, как это иронично и как похоже на природу – обеспечить Трейси, этого отвратительного типа, такой свежей водой.

– Что он может быть невиновен, – договорил Гамаш, опуская шланг, чтобы сполоснуть грязные руки, а затем выключил кран.

– Невиновен в убийстве, будем надеяться, – заметила Клутье. – Но не в избиениях жены. Беременной жены.

– Верно, – сказал Гамаш. – Но мы здесь, чтобы расследовать, а не осуждать. Постарайтесь держать эмоции под контролем. Ясная голова, правильно, агент Клутье?

– Oui, patron.

– Вы будете звонить или нет? – прокричал Трейси, шагнув с крыльца с трубкой в руке. – Звоните и убирайтесь с моей чертовой земли.

Гамаш нажал кнопку и услышал гудок. Наконец-то у него в руках был работающий телефон. Где-то на заднем плане, почти неслышимая теперь, шумела река Белла-Белла, неся свои воды в Три Сосны.

Набирая номер по памяти, Гамаш наблюдал за Карлом Трейси, который подошел к осликам, и те ткнулись в него носами и принялись игриво толкать его. Трейси вытащил из кармана огромные морковки и дал каждому по одной.

Телефон прозвонил несколько раз, прежде чем раздался ответ.

– Oui, allô, – сказал Гамаш с явным облегчением. – Да, все в порядке. Здесь сотовые не работают, так что мне пришлось попросить обычный телефон. Как там у вас?.. Понятно... Да. Мешки с песком. Хорошая идея... Сделаю.

Он посмотрел на Трейси, который, услышав про мешки с песком, отвернулся от осликов, и лицо у него стало встревоженным.

– Но мне нужна услуга, – продолжил Гамаш. – Я нахожусь на ферме, где живут Вивьен Годен и ее муж. Карл Трейси отказывается отвечать на вопросы, а также впускать нас в дом или сарай. Мне срочно нужен ордер. Т-Р-Е-Й-С-И... Oui.

У Трейси отвисла челюсть. Словно на него свалился мешок с песком.

– Ты можешь звонить на этот номер, – продолжал Гамаш. – Если ответа не будет, присылай сюда патрульную машину. Они знают куда. Да, и когда будет ордер на обыск, пришли их помочь с обыском. Только пусть имеют в виду: дорога местами непроезжая... Нет, все в порядке. Я сообщу тебе, как только у нас появятся новости о мадам Годен. Au revoir.

В управлении Квебекской полиции Жан Ги Бовуар повесил трубку и быстро приготовил запрос на обыск, потом позвонил судье:

– Да, ваша честь, нам он нужен немедленно. Старший инспектор Гамаш находится на месте и ждет. Пропала женщина. Возможно, убита мужем. Я отправляю запрос прямо сейчас.

Он нажал кнопку «отправить».

– Пожалуйста, дайте мне знать.

Он повесил трубку и посмотрел в окно.

Дождь уже начался. Типичный апрельский бесконечный дождь.

Глава восьмая

Гамаш с улыбкой протянул трубку Трейси:

– Merci. Вы нам очень помогли.

– Что это была за фигня?

– Вы все слышали, месье Трейси. Через несколько минут этот телефон зазвонит. Звонок по поводу ордера на обыск вашего дома и территории. Я советую вам ответить. Давайте войдем в дом, и в ожидании звонка вы сможете прояснить для нас некоторые вопросы.

Лицо Трейси окаменело. Он стал похож на упрямого ребенка.

– Вы можете отказать нам, – любезно произнес Гамаш. – Но мы замерзли и промокли и будем признательны вам за сотрудничество.

Он почти слышал, как Камерон и Клутье хихикают над его вежливым тоном.

На их верхней одежде, брюках и ботинках образовалась корка грязи. Они выглядели и чувствовали себя как квебекская версия воинов Терракотовой армии¹⁶. Полицейские скинули куртки и ботинки, оставили их на крыльце. Но снять мокрые грязные брюки они, конечно же, не могли.

Трейси ничуть не волновала грязь на полу, и он пошел по дому, не снимая резиновых сапог.

В помещении было жарко, даже душно. У плиты в кухне лежала пожилая дворняга.

– Скоро пивная прогулка, – сказал Трейси, показывая на собаку.

Гамаш знал, что это означает, но другие – нет. Он посмотрел в усталые старые глаза на седой морде и подумал о прогулке в лесу с ружьем.

И спросил себя, не такая ли судьба постигла хозяйку собаки.

Тарелки, кастрюли и сковородки были свалены в раковину и рядом с ней. Здесь пахло жиром и гниющей пищей. Алкоголем, старой собакой и куревом. Запах был почти невыносимый.

Гамаш сделал глубокий вдох через нос. Подумал, сумеет ли в этой удушающей жаре уловить еще один запах.

Нечто знакомое. Нечто безошибочно узнаваемое. Нечто гораздо худшее, чем все остальное.

Ничего такого он не почувствовал. Возможно, его маскировали другие запахи гниения. Хотя вряд ли. Ничто не может скрыть эту вонь разложения.

Трое полицейских присоединились к Трейси за кухонным столом с пластмассовой столешницей. Трейси закурил сигарету. Клутье и Камерон ждали, когда Гамаш начнет действовать.

Но он уже действовал. Арман Гамаш слушал.

Надеялся уловить какой-нибудь звук, пусть и отдаленный, свидетельствующий о том, что в доме есть кто-то еще. Стук. Приглушенный зов о помощи.

Что угодно.

Но все было тихо.

Наконец он сказал:

– Месье Трейси, вы говорите, что вашей жены здесь нет. Вы не знаете, где она?

Клутье достала свой айфон и включила запись.

– Я уже сказал вам, копы. Я знаю только то, что проснулся вчера утром, а ее нет. Ни записки, ничего.

---

¹⁶ Терракотовая армия – имеется в виду общепринятое название захоронения более восьми тысяч полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в Сиане.

– И вы даже не догадываетесь, где она может быть?

Трейси рассмеялся:

– Да где угодно. На пьянке. Трахается с каким-нибудь чуваком. Я вам сообщу, когда она вернется...

Он слишком поздно вспомнил, с кем говорит.

– Да-да? – сказал Гамаш. – Продолжайте.

– Нечего тут продолжать.

Арман Гамаш сидел напротив подозреваемых за множеством столов на множестве мест преступления. Он не обманывал себя насчет того, будто за много лет у него выработался некий особенный талант – определять убийцу.

Вот и сейчас он не мог наверняка сказать, что перед ним сидит убийца. Но он чувствовал, как нарастает в нем отвращение к Карлу Трейси.

– Как нам стало известно от отца Вивьен, она беременна.

– Ага. Кто знает, с кем она нагуляла? Вряд ли это от меня. И если она думает, что я буду воспитывать ублюдка, то ее ждет еще одна неприятность.

– Какого рода неприятность? – спросил Гамаш.

Трейси осклабился:

– А что чувствовали бы вы, если бы ваша жена закрутила бог знает с кем и забеременела?

Гамаш поднял голову и уставился на Трейси.

А Карл Трейси смотрел в эти спокойные сосредоточенные глаза и понимал, что, хотя его выстрел и прошел мимо цели, этот полицейский тоже человек. А потому уязвим. И он рано или поздно найдет это уязвимое место.

– Вы совсем за нее не беспокоитесь? – спросила агент Клотье.

Трейси перевел взгляд с Гамаша на женщину-копа:

– А зачем? Слушайте, я ведь уже сказал: птичка упорхнула, а когда тот тип устанет от нее, она вернется. Я вот не могу понять, вам-то какое дело?

В этот момент зазвонил телефон.

– Можете ответить сами, – сказал Трейси. – Это наверняка вас.

Гамаш нажал кнопку, но, прежде чем он успел сказать хоть слово, на него хлынул поток обвинений. В завершение мужской голос прокричал:

– Где моя дочь? Если ты мне не скажешь, я приеду и вышибу из тебя все, что тебе известно. Ты меня понял?

Все присутствующие слышали голос в трубке, и Гамаш увидел, что Трейси сидит с торжествующим видом.

«Видите, с чем мне приходится иметь дело?» – было написано на его лице.

– Месье Годен? – начал Гамаш.

– Кто это?

– Моя фамилия Гамаш, я служу в Квебекской полиции...

– Боже мой, неужели что-то случилось? Вы ее нашли? Боже мой...

– Non, monsieur. У нас нет новостей о вашей дочери. Я здесь с Лизетт Клотье. Она ваша приятельница, насколько я понял. Агент Клотье попросила нас провести расследование.

С другого конца доносилось тяжелое дыхание – Годен брал себя в руки.

– Мы сейчас беседуем с месье Трейси.

– С месье Трейси? Месье? Он монстр, а вы называете его «месье»? Он, может быть... он мог... Вы знаете, что она беременна?

– Да. Пожалуйста, успокойтесь. Мы делаем все, что в наших силах. Я вам обещаю, мы ее найдем.

– Найдете? Живой?

Это было сказано так жалобно. Не просто слово, а целый мир. «Живой». «Живой». И все, что это значит. Для него. Для нее. Для ребенка. Целая жизнь впереди. С днями рождения и праздниками. С торжествами.

«Живой».

– Мы ее найдем, – повторил Гамаш, гадая, обратил ли внимание месье Годен, что он не сказал «живой». – С вами есть кто-нибудь?

– Non, поп. Вивьен мой единственный ребенок. Моя жена умерла несколько лет назад. Понимаете, я ждал ее здесь. Она собиралась уйти от него. Я много лет просил ее уйти от этого сукина сына Трейси.

Он замолчал. Гамаш слышал тяжелое дыхание, чуть ли не всхлипы, прежде чем месье Годен снова смог заговорить:

– Что он с ней сделал? Спросите у него. Он знает. Заставьте его сказать. Если вы этого не сделаете, то сделаю я.

– Оставайтесь дома, месье Годен. На случай, если она позвонит.

Произнося эти слова, Гамаш чувствовал, что прибегает к дешевой, потенциально жестокой манипуляции. Но ему нужно было не допустить Годена до Трейси. И к тому же оставалась вероятность, что его дочь жива и позвонит отцу.

– Я свяжусь с вами, когда мы здесь закончим. D'accord?

С другого конца линии до Гамаша доносилось тяжелое дыхание. И наконец:

– D'accord.

– Можно я с ним поговорю? – прошептала Клутье, протягивая руку к трубке. – Омер, это Лизетт... Oui. Oui... Обещаю... Oui.

Она внимательно слушала его, опустив глаза на стол. Голос Омера Годена стал спокойнее, так что остальные не могли слышать, о чем он говорит.

– Старший инспектор Гамаш позвонит тебе, как только сможет, – сказала Клутье, когда отец Вивьен закончил говорить. – Oui. Обещаю.

Ее голос, тихий, успокаивающий, кажется, подействовал на него. Она попрощалась и положила трубку на стол.

– Он настоящий говнюк, – сказал Трейси, обращаясь к телефону, словно это был его тесть. – Вы слышали, как он мне угрожал. Он опасен.

– Хватит, – рявкнул Камерон, стукнув по столу с такой силой, что керамические петушки подпрыгнули и на столешницу просыпались соль и перец.

– Агент Камерон, – резко произнес Гамаш.

– Прошу прощения, – пробормотал Камерон, беря себя в руки.

Гамаш снова перевел взгляд на того, кому и должно было сейчас принадлежать его внимание:

– Сколько вы прожили с мадам Годен?

– Не знаю. Четыре года, может – пять.

– Как вы познакомились?

– В баре. А где еще? В церкви, что ли? В физкультурном зале? Слушайте, у меня на ферме куча дел. Скот пора кормить, а его нужно отвести в лес.

Он показал на старого пса, который поднял голову и устало махнул хвостом.

– Так же как отвели Вивьен? – спросила Клутье.

– Что? Чтобы ее убить? – Он презрительно фыркнул. – Зачем мне это надо? Поверьте, она жива.

Несмотря на все старания, Гамаш не мог выбросить из головы голос месье Годена. Его напряженное дыхание, попытку сдержать ужас, все равно прорывавшийся наружу. Отчаяние отца.

«Как бы вы себя чувствовали, если бы...»

– Вы сказали, у нее были любовники. – Он заставлял себя говорить нейтральным тоном. – Вы знаете их имена?

– Нет, конечно. Она же не давала мне список.

– А имена подруг? – спросил Гамаш.

– Подруг? Нет. Зачем бы она стала рассказывать мне о них?

Все было так, как говорил Камерон. Трейси запер здесь свою жену, а поскольку возразить ему было некому, то он мог говорить о ней все, что взбредет ему в голову.

– Нам нужна марка, модель и номер регистрации ее машины, – сказал Камерон.

Трейси предоставил им эти сведения.

– Где вы были в субботу? – спросил Гамаш.

– Здесь, работал с моими горшками. Где же еще?

– Кто-нибудь вас видел?

– Вивьен видела. Можете у нее спросить, когда она вернется.

– А кроме вашей жены?

– Никто. Кто сюда придет?

«И в самом деле, кто?» – подумал Гамаш.

– Значит, в субботу вы никуда отсюда не уходили?

– Нет. Пойдите-ка, я ездил в город, чтобы купить припасы. Нужно было съездить, пока дорога не превратилась в говно. Теперь по ней не проедешь. – Он внимательно посмотрел на них. – Но для вас это, видать, уже не новость.

– И все же, – заметила Клутье, – вы сказали, что ваша жена сумела выехать отсюда позднее в тот день.

Наступило молчание, все наблюдали за тем, как мозг Трейси буксует в грязи.

– Она смогла, а вы – нет? – гнула свое Клутье.

– Она выехала вечером, когда дорога снова схватилась.

Ему удалось найти объяснение, похожее на правду. После того как Трейси назвал им магазины, в которых он побывал, Гамаш спросил:

– Когда вы в последний раз видели жену?

– В субботу вечером, я уже говорил. Мы выпивали. Вивьен разозлилась и стала орать. Сказала, что ребенок не от меня. Я пошел в свою мастерскую, чтобы быть подальше от нее. Просыпаюсь утром, а ее уже нет.

Зазвонил телефон.

– Вы и отвечайте, – сказал Трейси.

Гамаш взял трубку и выслушал сообщение.

– Bon. Mercі. – Он отключился. – У нас есть ордер.

Глава девятая

Как и повсюду в доме, в спальне царил кавардак. Кровать не застелена, простыни грязные. На полу рядом с кроватью полупустая бутылка пива. Пепельница, переполненная окурками.

На прикроватном столике лежала небольшая заначка марихуаны. И папиросная бумага.

– Ваша? – спросил Гамаш у Трейси.

– Ее.

Гамаш кивнул, запоминая, но не принимая на веру.

Часы с радиоприемником показывали 12:00.

Гамаш встал посреди комнаты и повернулся вокруг себя. Одежда лежала на полу, куда ее бросили. Носки, нижнее белье, свитера, джинсы. И не одна смена – накопилось за несколько дней.

Один из агентов просматривал стенные шкафы, ящики комода, фотографировал, составлял список всего, что нашлось.

Трудно было сказать, исчезло что-то или нет.

Гамаш спросил Трейси об одежде. Это вся его? Или здесь есть и вещи Вивьен?

– Все мое.

В шкафу Вивьен вся одежда висела на плечиках. В ее ящиках царил некоторый беспорядок, нижнее белье, водолазки и джинсы лежали вперемешку. Но ее вещи хотя бы не валялись на полу.

На комоде лежала бижутерия. Недорогие вещицы. Яркие. Объемные. И никаких фотографий.

Возможно, фотографии Вивьен забрала с собой.

Гамаш надеялся, что так оно и есть.

– Все чемоданы на месте? – спросил Гамаш.

– Чемоданы? У нас нет чемоданов. Зачем они нам?

Гамаш кивнул. Уже одно это было довольно красноречивым. И вызывало мурашки на коже.

В ванной Гамаш увидел зубную щетку.

– Ее? – спросил он.

– Нет. Это моя. Вот ее.

Трейси показал на другую щетку в держателе. Щетина была сношена почти до предела.

Может быть, она купила новую, подумал Гамаш.

Он надеялся, что так оно и есть.

Криминалисты забрали обе зубные щетки. Для теста ДНК.

Гамаш открыл дверцу аптечки. Ничего необычного. Никаких рецептурных лекарств, одни противопростудные и мази. Никаких пустот на узких полочках. Ничто не указывает на отсутствие чего-либо.

Он вышел из ванной и прошелся по комнатам. Трейси следовал за ним, как тень.

Приехали другие полицейские и начали обыскивать строения во дворе.

– Никаких признаков Вивьен Годен, шеф, – сообщила агент Клутье, обнаружив Гамаша в гостиной, где он стоял на коленях перед диваном. – Но они нашли кое-что рядом с кухней.

– Я сейчас подойду, мерси. – Гамаш достал ручку и отодвинул в сторону упаковку от картофельных чипсов. Потом поднялся и подозвал криминалиста. – Проверьте это, пожалуйста.

Он отошел в сторону и повернулся к Трейси:

– Кажется, это кровь?

– Возможно. Может, ее. Может, моя. Кто знает?

– Мы узнаем, и скоро. Что тут случилось?

– Я вам говорил. Мы с ней схватились.

– Вы ее ударили?

– А она ударила меня. В долгу не осталась. Слушайте, я знаю, вы думаете, будто я сделал с ней что-то, но я ничего не делал. Я оставил ее здесь. – Он показал на диван. – Живой.

– Осмотрите тщательно остальную часть комнаты, – велел Гамаш криминалистам.

Не отреагировав на слова Трейси, он последовал за агентом Клутье в кухню и далее через дверь, за которой могла бы находиться кладовая. Но за дверью оказалось помещение, которое прежде служило отхожим местом. Или свинарником. Или курятником. В стене этой пристройки была сделана дверь, соединявшая ее с главным домом.

Гамаш остановился в дверях, готовя себя. Ясно, что тела внутри не было. О такой находке ему сообщили бы сразу. Да и местом преступления это помещение не выглядело. Об этом ему тоже было бы доложено.

Но ему показалось, что здесь могли происходить нехорошие вещи. С животными. Или людьми.

Он вошел.

В первую очередь его поразила необычная жара.

Работающие здесь агенты нещадно потели, и им приходилось следить за тем, чтобы капли пота не падали со лба, искажая криминологическую картину. Увидев Гамаша, они выпрямились и начали отдавать честь. Но он движением руки остановил их и предложил продолжать работу.

Потом огляделся вокруг.

Совсем не похоже на скотобойню или на отхожее место. Помещение было куда просторнее. Старый гараж. Переделанный под мастерскую.

Нет, не под мастерскую. Под арт-студию.

Гамаш увидел гончарный круг. Увидел пластиковые пакеты, наполненные глиной, с бирками от производителя. Вдоль стен стояли полки с неглазурованными изделиями. Теперь он понял, о чем говорил Камерон. Никто не смог бы воспользоваться изделиями Трейси для каких-либо практических целей. Они не годились ни для еды, ни для питья, ни для цветов.

Но внимание привлекали. В отличие от их автора.

Карл Трейси казался недоделанным, лишь отчасти сформированным человеком. Мягким. Бесполезным. И все же в нем что-то было. Не то чтобы приятное. По правде говоря, Гамаш испытывал к нему отвращение. Однако он чувствовал, что его взгляд постоянно возвращается к Карлу Трейси. Тот был личностью. С этим не поспоришь. Эффектным творением. Как и его работы.

Но если его изделия, на взгляд Гамаша, были привлекательными, то Трейси – ни в коей мере.

Гамаш повернулся и увидел в углу источник необычной жары.

Печь для обжига.

Ее явно разжигали в один из последних дней.

Гамаш присел и посмотрел в отверстие внизу печи. Печь была наполнена пеплом.

– Обязательно соберите пепел, – сказал он, поднявшись. – Нашли что-нибудь?

– Нет пока, – ответил старший агент. – Если тут есть кровь, то скрыть или очистить ее было бы невозможно. Глина и кирпичи – вещи пористые. Если она тут есть, мы ее найдем.

– Bon. Merci.

Он повернулся и увидел Карла Трейси.

– Вы недавно пользовались печью, – сказал Гамаш.

– Да. Обжигал кой-какие вещички.

– Когда?

– В субботу вечером.

– Печь все еще горячая.

– Она долго остывает. Чтобы глина спеклась, печь нужно ох как разогреть. – Он внимательно посмотрел на Гамаша и рассмеялся. – Вы же не думаете... – Его изумление казалось неподдельным. – Вы и вправду думаете, что я здесь сжег Вивьен? По кусочкам? Вы спятили? Вы хоть представляете, сколько бы это потребовало трудов? И представьте, какой бы тут был тарарам.

Трейси явно пытался запудрить ему мозги. Отрицая убийство и кремацию женщины и ее нерожденного ребенка не из-за ужаса преступления, а из-за его трудоемкости.

– Послушайте, – сказал Трейси, следуя за Гамашем в кухню, – наш брак не ахти что, но она занималась своими делами, а я – своими. Зачем мне ее убивать?

– А зачем вам убивать собаку? – Гамаш показал на пса, который по-прежнему лежал у теплой плиты.

– Затем, что от него больше никакого прока. Охотиться не способен, дом охранять не способен. Только ест и спит. Куплю новую собаку. Получше.

– Может, вы поэтому и жену убили, – сказал Гамаш. – Чтобы завести новую.

– Да зачем убивать-то? Я бы просто выгнал ее.

– Потому что она пошла бы в суд и отсудила у вас половину собственности, – ответил Гамаш.

– А, ну да, – кивнул Трейси. – Веская причина.

Это было, конечно, не признание, но очень близко к тем признаниям, какие доводилось слышать главе отдела по расследованию убийств.

Трейси посмотрел на собаку:

– Это не мой пес, а ее. С ней пришел, с ней и уйдет. Чем скорее, тем лучше.

Он выставил вперед руку, делая вид, что стреляет. Дворняга с трудом поднялась на ноги, шагнула к Трейси и лизнула палец, нажимающий на спусковой крючок.

Они ничего не нашли. После совещания с местными агентами было решено, что они сделали все от них зависящее. Настало время уезжать.

– Что нам делать дальше? – спросил агент Камерон, когда все трое надели куртки и ботинки.

Они вышли на крыльцо и огляделись: вокруг были акры и акры, мили и мили леса. Они посмотрели на осликов в поле. Ослики терпеливо наблюдали за ними.

И тут они снова услышали рев реки Белла-Белла, доносившийся до них из глубины леса. Казалось, он стал громче. Ближе.

– Первым делом нужно объявить о пропаже Вивьен Годен, – сказал Гамаш. – А потом посетить ее отца.

На ступеньки крыльца упала большая капля. Еще одна.

Гамаш взглянул на небо. Стояла середина дня, но тучи были такие плотные, а солнце такое неясное, что было похоже на сумерки. Или на затмение солнца.

Гамаш сунул руку в карман, но вспомнил, что здесь нет сигнала.

– Вы можете подвезти нас до наших машин? – спросил Гамаш у женщины-агента.

– Безусловно, сэр. Я видела их, когда мы ехали сюда. Они стоят там, ниже.

– Верно. А вам как удалось подняться?

– Мы не поднимались. Мы свернули на окружную дорогу и выехали на ферму сверху, с другой стороны.

Она снова посмотрела на одежду старшего инспектора. Он и его спутники выглядели так, будто добирались до этого ужасного места, карабкаясь по склону на четвереньках.

Практически так оно и было.

– У вас есть рация в машине? – спросил Гамаш.

– Да, сэр. У нас у всех есть рации на тот случай, если сотовый сигнал не проходит.

– Хорошо. – Гамаш повернулся к Карлу Трейси, который только что вышел на крыльцо. Старая собака шла с ним рядом. – Мы свяжемся с вами, когда у нас появятся новые вопросы.

– Он сделал это, да? – спросила агент Клутье на пути к полицейской машине. – Убил ее? Гамаш ничего не ответил, но вид у него был мрачный.

Подойдя к машине, он наклонился к окну, снял микрофон с рации, назвал себя и попросил соединить его со старшим инспектором Бовуаром.

Пока он ждал ответа, дождь усилился. Трейси ушел в дом, но вскоре появился с ружьем.

– Он владеет оружием на законных основаниях? – спросил Гамаш. – Разрешение есть?

– К сожалению, есть, – ответил Камерон. – Он никогда не был под судом, так что изъять ружье мы не могли. Другого оружия у него не найдено.

Гамаш покачал головой. Канадское законодательство, регулирующее владение оружием, при всей своей строгости нуждалось в ужесточении. Вот человек, о котором известно, что он избивает жену, и этому человеку позволено владеть оружием?

– Вы его проверяли? Есть следы недавних выстрелов?

– Проверяли, но в последнее время из него не стреляли.

Гамаш заглянул в глаза собаке и понял, что через какое-то время состояние ружья изменится.

– Наконец-то, – раздался голос Бовуара из крохотного громкоговорителя. – Вы получили мои сообщения?

– Нет, к нам сигнал не приходит. Что за сообщения?

– Объявлено чрезвычайное положение. Отпуска отменены. Угроза наводнения по всей провинции. Все довольно плохо.

– Плотины?

– В опасные места отправлены инженеры-гидрологи для оценки ситуации на месте.

Если дамбы прорвет...

Но Гамаш этого не сказал. Все знали, что случится, если прорвет огромные плотины электростанций в заливе Джеймс.

Однако были и другие места потенциальных катастроф.

– Где самое сильное затопление?

Пока Бовуар перечислял названия, Гамаш представлял себе карту Квебека и видел опасные точки. Там, где реки вливались в более широкие реки. Естественно, в таких местах стояли малые и большие города. На пересечении важнейших водных путей.

– А Святой Лаврентий? – спросил Гамаш и затаил дыхание.

В глубине души он уже знал ответ. За несколько часов до этого он собственными глазами видел, как накапливается лед на Лаврентии, и пытался сообщить об этом.

Бовуар быстро и лаконично описал затронутые районы. Закончил самым угрожаемым:

– Монреаль.

– Монреаль, – повторил Гамаш.

– Я пытался до вас дозвониться. Здесь назначено совещание. Начало через полчаса. Когда вы сможете вернуться?

Гамаш посмотрел на часы:

– Через сорок минут.

– Поспешите.

– Жан Ги...

– Oui?

– Белла-Белла?

– Все еще поднимается.

Гамаш посмотрел на юг. В сторону деревни. Он мог бы добраться туда за несколько минут. Потом посмотрел на север. В сторону Монреаля.

– Merci, – сказал Гамаш. – Буду, как только смогу.

Он вернул микрофон агенту и двинулся к пассажирскому сиденью. Но остановился.

– Сэр? – спросила агент.

Двигатель машины был включен. Все ждали.

– Un moment¹⁷, – сказал Гамаш.

На глазах у остальных старший инспектор подошел к крыльцу, вытащил бумажник и бросил несколько купюр к ногам Трейси. Потом быстрым шагом пошел к машине. Со старой собакой на руках.

Забравшись в машину, он сказал:

– Его зовут Фред.

---

¹⁷ Сейчас (фр.).

Глава десятая

Патрульную машину начало заносить на дороге, но агенту удалось выровнять машину и остановиться в том месте, где на обочине стояли два автомобиля, на которых приехали Гамаш, Клутье и Камерон. Агент высадила их и поехала дальше, открыв окна, чтобы проветрить свой прежде идеально чистый автомобиль, в котором теперь пахло старой мокрой собакой, дорожной жижей и осликами.

– Что нам делать, patron? – спросил Камерон.

– Возвращайтесь в свое отделение. Вы можете понадобиться для борьбы с наводнением и для возможной эвакуации. А мы едем в Монреаль.

В машине агент Клутье спросила:

– А что с Вивьен? Что мне сказать Омеру?

– Я позвоню ему, когда мы выедем с нагорья и поймем сигнал.

Дождь лупил по лобовому стеклу. Тучи висели низко, смешиваясь с туманом, цепляющимся за лес.

– Но я хотя бы могу остаться на этом деле? Продолжить ее поиски?

– Вы будете действовать в соответствии с приказом, агент Клутье, – сказал Гамаш. – Как и я.

Он посмотрел в сторону леса, где невидимая Белла-Белла несла свои воды в долину. И в деревню Три Сосны.

Рут стояла на каменном мосту, наблюдая за работой, кипевшей вокруг.

Жители деревни, все как один, наполняли мешки песком. Они занимались этим почти каждую весну, но до сих пор это была лишь мера предосторожности, превратившаяся в традицию, которая переросла в застолье. В празднество. Так они отмечали окончание долгой зимы.

Весеннее половодье совпадало со временем сбора кленового сока.

Они заполняли мешки песком и устраивали по случаю варки кленового сиропа вечеринку с печеными бобами и блинчиками. В котлах бурлил сок, выкипая до состояния сиропа. Играл скрипач, а дети и Габри стояли вокруг котлов и ждали, когда сладкую жидкость выльют на снег, где она превратится в подобие мягкой карамели, называвшейся *tire d'érable*.

Пока матери и отцы, друзья и соседи наполняли мешки для строительства стены вдоль Белла-Беллы, дети и Габри накручивали *tire d'érable* на прутики и лизали кленовые конфетки, наблюдая за тем, как возвращаются из леса лошади с новыми ведерками, полными сока.

Таким было праздничное окончание зимы. В конце концов, река никогда не выходила из берегов. И причин для беспокойства не возникало.

Но нынешний день мало походил на праздничный. Скрипач держал в руках лопату. Дети сидели в безопасности в церкви Святого Томаса – здешнем эвакуационном центре. Никакой *tire d'érable*. Только усталые и вспотевшие жители деревни.

Рут стояла под дождем со снегом и смотрела, как они наклоняются, распрямляются и снова наклоняются, наполняя мешки, словно в каком-то языческом ритуале.

– «Я сижу, где посажена, созданная из камня и желания, выданного за действительное», – зашептала Рут строки из своего стихотворения, глядя, как наклоняются и распрямляются ее соседи и друзья. Сгибаются и орудуют лопатами. – «Будто божество, убивающее ради удовольствия, может и исцелять».

По указанию Рут жители деревни выстроились в две цепочки, по которым передавали мешки к берегу, где их укладывали один на другой. Стену строили по обоим берегам Белла-Беллы.

Старая поэтесса отвернулась от созерцания потных и грязных соседей и посмотрела вверх по течению реки.

Рут старалась, чтобы на ее лице не отражались чувства, владевшие ею. Жевала щеки, чтобы скрыть страх. До недавнего времени река была бежевой от пены, а теперь она стала почти черной. Бурление становилось все более и более яростным. Вода подхватывала с самого дна грязь, осадочные отложения и бог знает что еще. То, что лежало без движения десятилетиями, а то и столетиями, теперь было поднято на поверхность. Сгнившее. Разложившееся.

Рут наблюдала за тем, как вспухшая река несет с гор обломки льда, ветки деревьев. Набрасывается на них. Захватывает, а потом дробит.

Но рано или поздно затор станет слишком плотным. Обломки скопятся в непреодолимую преграду. Преграда перестанет пропускать воду. И тогда?..

До сего дня жители деревни считали Белла-Беллу дружелюбным, мягким существом. Она никогда не обижала их.

Но теперь казалось, будто кто-то, кого они хорошо знали, кто-то, кого они любили и кому верили, обратился против них. Только одна вещь могла бы потрясти их сильнее: если бы три громадные сосны в центре деревни сорвались со своих корней и напали на деревню.

Габри и Оливье раздавали горячие напитки. Чай, кофе, горячий шоколад, бульон. Месье Беливо, владелец магазина, и Сара, хозяйка пекарни, разносили на подносах сэндвичи. Сыр бри, толстые куски ветчины под кленовым соусом и руккола на багетах, круассанах и *rain m n ge*¹⁸.

Но наибольшей популярностью пользовались сэндвичи, которые приготовила Рейн-Мари, прежде чем занять место среди тех, кто наполнял мешки.

– Боже мой, – сказала Клара, вгрызаясь в сэндвич. – Пальчики оближешь!

Ее перчатки промокли насквозь, большие руки дрожали от холода.

– У тебя что? – спросила Мирна, откусывая громадный кусок багета.

– Арахисовое масло и мед на тостовом хлебе, – неразборчиво произнесла Клара, завязнув языком в арахисовом масле.

– Мамочка-мама! – вскрикнула Мирна, выскочила из своего ряда и принялась искать глазами Сару. – Я тоже хочу такой.

– Вот, – сказал Билли Уильямс. – Возьми мой.

Умирая с голоду, он предложил ей половинку своего сэндвича.

Мирна улыбнулась и покачала головой:

– Ничего. Я найду для себя. Но спасибо.

Билли посмотрел ей вслед, потом опустил глаза на свой промокший сэндвич. И понял, что у него нет ничего такого, чего хотела бы Мирна.

Она была недостижима, и он боялся, что будет томиться по ней до второго пришествия.

Габри подошел к мосту и предложил Рут кофе:

– Я плеснул туда бренди.

– Не надо, – ответила старая поэтесса, перекрикивая рев реки. Она потянулась к кружке, над которой поднимался парок. – Я выпью бульона.

Габри побледнел. Он понял: это знак конца света. Рут никогда не отказывалась от выпивки.

Он посмотрел вниз и увидел, что река не просто злится, она сходит с ума. Словно все унижения, происходившие на всех водных путях в Новом Свете на протяжении многих поколений переселенцев, всплывали на поверхность.

Подъем воды был не протестом, а отмщением.

Габри едва слышал собственные мысли за ревом реки.

---

¹⁸ Хлеб домашней выпечки (*фр.*).

Наверное, думал он, спускаясь с моста, такой звук издает душа, которую тащат в ад.

Гамаш лихорадочно обдумывал ситуацию. Догадались ли они открыть водоотводы по всей провинции?

Больницы нужно перевести на режим чрезвычайного положения. Нужно связаться с другими провинциями, сообщить, что может понадобиться помощь. Необходимо защитить водопользовательские станции. Держать наготове команды гидроэнергетиков, если потребуется восстанавливать подачу энергии. Задействовать армейские резервы и группы быстрого реагирования. Ввести режим чрезвычайного положения.

Неожиданное катастрофическое явление, природное или нет, несло с собой хаос. Места пасторальные и столь любезные глазу мгновенно превращались в зону военных действий.

Население, непривычное к чрезвычайным ситуациям подобного рода, нуждалось в объединении и руководстве. И в сохранении спокойствия.

Жизненно важно было держать все под контролем.

Гамаш постарался перестать думать об этом. И запретил своей руке лезть в карман за телефоном, чтобы звонить в Управление по чрезвычайным ситуациям. Звонить своему приемнику в Квебекской полиции. Звонить премьер-министру. И говорить им всем, что нужно делать.

Вместо этого он сделал глубокий вдох, откинулся на спинку пассажирского сиденья и заставил себя успокоиться.

Это больше не входило в его обязанности. В зону его ответственности. Они сами знают, что им делать. Он им не нужен.

И все же он чувствовал себя пловцом, рассекающим волны вдали от берега. Пловцом, который видит, как на суше разворачиваются какие-то ужасные события, но не в силах остановить их. Или хотя бы помочь.

Как только они спустились с нагорья, его телефон разразился кучей сообщений.

Первым делом Гамаш попытался связаться с Рейн-Мари, но сумел дозвониться только до Оливье в бистро, а тот уже позвал Рейн-Мари.

– У нас все в порядке, Арман. Конечно, готовим мешки. Но никакой паники.

– Рут не...

– Не подложила ли она снова валиум в горячий шоколад? – спросила Рейн-Мари. – Нет. Но я абсолютно, абсолютно спокойна.

Правда, голос ее звучал устало.

– Ну а как там на самом деле? – спросил Гамаш.

– Укрепляем берег. Белла-Белла поднялась очень высоко – такого никогда не было. До разлива всего несколько дюймов. Но даже если она выйдет из берегов, ничего страшного не случится.

Рейн-Мари никогда не видела наводнений. А он видел. И знал, что это не просто несколько дюймов воды в подвале. Даже маленькая волна, прошедшая такое расстояние, содержит в себе невероятную энергию. При малейшем разрыве плотины этой энергии хватит, чтобы рушить стены. Здания. Колодцы будут загрязнены. Линии электропередач обрушены. Люди и животные унесены.

И для этого не потребуется так много воды, как думают люди.

– Я приеду, как только смогу.

– Ты где?

– Объявлено чрезвычайное положение. Я на пути в Монреаль.

Короткая пауза.

– Да, конечно.

Рейн-Мари постаралась, чтобы это прозвучало небрежно, но от разочарования у нее перехватило дыхание. Он ехал в другую сторону, от нее, а не к ней.

– Извини.

– Не смей извиняться. Мы в порядке. Правда. Ты там поосторожнее. У тебя есть надувной спасательный круг?

– В виде лебедя? Он всегда при мне.

– Хорошо. Надень обязательно.

Гамаш рассмеялся:

– Вот будет фото для социальных сетей!

Услышав ее смех, когда она представила себе, как ее муж в костюме, галстук и с розовым надувным лебедем на талии руководит спасательными операциями, Гамаш немного успокоился. Они поговорили еще минуту-другую и попрощались.

Потом Гамаш позвонил месье Годену. Это был трудный разговор. Пришлось сказать отцу Вивьен, что поиски его дочери временно приостановлены до отмены чрезвычайного положения. Но поиски возобновятся, как только появится возможность.

– Вы не можете остановиться, – выпалил Омер. – Вы должны ее найти. Вы обещали.

– Мне очень жаль, – сказал Гамаш. – В настоящий момент мы ничего не можем сделать, но поверьте мне...

– Я сейчас еду туда.

– Нет, не едете, – резко произнес Гамаш. – Дороги вскоре окажутся под водой. Мосты будут закрыты. Вы не сможете ни вернуться, ни доехать, куда собирались. Оставайтесь дома. Ваша дочь может позвонить.

Он прибег к прежней уловке. Дал отцу Вивьен то, что, на взгляд Гамаша, было ложной надеждой. Сам он все больше проникался убеждением, что она не позвонит никогда.

Но нельзя было допустить, чтобы этот человек уехал из дома. По множеству разных причин, а не только из-за наводнения.

Как только он закончил разговор, агент Клутье включила сирену. Они выехали на шоссе и помчались к городу. Когда они въехали на мост Шамплена, Гамаш попросил ее остановиться и включить аварийку.

– Но тут нет аварийной полосы, сэр. Мы заблокируем движение.

– Ненадолго.

Машина остановилась, и он быстро вышел, чтобы не передумать.

Сам не веря, что делает это, он двинулся к перилам.

Всего несколько шагов, но каждый дюйм давался ему с трудом.

Страдающий боязнью высоты, Гамаш немедленно почувствовал, что у него начинает кружиться голова. И испугался, что может потерять сознание.

Но он должен был посмотреть. Должен был увидеть.

Гамаш с трудом заставил себя идти, ощущая каждый фут как милю. Протянув руку, он ухватился за бетонную стенку, отделяющую его от пропасти. В лицо ему хлестали ветер и дождь. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох. Потом открыл глаза и выглянул за ограждение.

И охнул. Его глаза широко раскрылись, костяшки пальцев побелели.

Мир начал вращаться, и Гамаш в ужасе понял, что рискует свалиться не в обморок, а за ограждение. Головокружение тянуло его за край. И ничто не могло остановить его полет. Ничто между мостом и водой.

Словно из далекого далека он слышал автомобильные гудки. Ему показалось, что его окликают по имени, и у него возникло ощущение, что голос доносится из пропасти внизу.

Но он продолжал смотреть, приказывая своим глазам сфокусироваться.

И когда его взгляд обрел резкость, он все увидел. Ситуация была хуже утренней. Гораздо хуже. Вздвигнувшийся лед давил на пилоны моста. Он уже поднялся до середины опор и продолжал наползать.

Гамаш окинул взглядом необъятный простор реки. Кое-где виднелось немного открытой воды – темные рваные линии между трещинами. Крупные льдины толщиной в несколько футов сталкивались, наползали одна на другую, выкидывали наверх острые осколки льда.

Потом он услышал громыхание и заставил себя посмотреть еще дальше, дальше по течению реки. Звук становился все громче и громче, быстро приближаясь. Ледоход рвался к мосту.

Гамаш сделал два глубоких вдоха и еще крепче ухватился за невысокое бетонное ограждение.

Стараясь не закрывать глаза. Стараясь не моргать.

Он немного выпрямился, когда громыхание перешло в рев.

И тогда раздался грохот. Как будто выстрелила пушка – это лед раскалывался под давлением. Метрах в пятидесяти от него.

Гамаш выдохнул.

Если здесь было так плохо, то и в других местах вокруг острова Монреаль было не лучше, если не хуже. Не говоря уже обо всех других реках. Обо всех других мостах по всему Квебеку.

Нужно было уходить отсюда. Донести эту информацию до участников совещания в управлении. Но сначала он должен вернуться в машину. Через три бесконечных фута асфальта. Внезапно Гамаш обнаружил, что не может разжать пальцы – так крепко они вцепились в ограждение.

Наконец он оторвал руки от бетона, повернулся, сделал несколько нетвердых шагов и практически одним броском преодолел последние феты.

– Patron? – обеспокоенно сказала агент Клутье, увидев его лицо.

– Все в порядке, – ответил Гамаш, крепко сжав кулаки, чтобы скрыть дрожь. – Но нам нужно поспешить.

В управлении полиции стоял гул. По коридорам сновали агенты.

Открытые рабочие пространства на каждом этаже были практически пусты, оставалось лишь несколько полицейских, которые отвечали на звонки и производили самые неотложные следственные действия.

Все остальные были направлены на борьбу с наводнением.

Гамаш сразу же прошел в отдел по расследованию убийств, чтобы коротко переговорить с Бовуаром.

Жан Ги сидел на телефоне, явно чувствуя себя в своей стихии, о чем говорил его возбужденный вид. Хотя он и стал бы категорически отрицать это, но факт оставался фактом: Жан Ги Бовуар ничего не любил так сильно, как чрезвычайные ситуации.

Он повесил трубку и поднял брови:

– Побывали в спа?

– В спа?

– В грязевой ванне.

– А, вот ты о чем. – Гамаш посмотрел на куртку и брюки в корке грязи. Он и забыл, что весь покрыт дорожной жижей. – Больше похоже на борьбу в грязи.

– И кто победил?

– Не я. – Он снял свою тяжелую куртку и повесил на крюк с внутренней стороны двери. – Потом расскажу. Кстати, я бы хотел кое-что оставить здесь у тебя. Ты не возражаешь?

– Ничуть.

– Его зовут Фред. Он не откажется от водички.

Он оставил грязную собаку и недоумевающего человека, взирающих друг на друга, и поспешил вверх.

К тому времени, когда появился Гамаш, совещание в кабинете старшего суперинтенданта Туссен шло полным ходом.

Перед этим Гамаш зашел в туалет и попытался очиститься, но ни оборудование, ни время не позволили ничего иного, кроме как вымыть лицо и руки.

Он посмотрел в зеркало и прошелся пятерней по волосам.

Потом покачал головой и сдался. Пора было сосредоточиться на более важных вещах.

– Старший инспектор, – приветствовала своего предшественника старший суперинтендант Мадлен Туссен. Если она и обратила внимание на его растрепанный внешний вид, то никак этого не показала. – Кажется, вы со всеми знакомы.

Она была достаточно уверена в себе, чтобы пригласить на совещание своего предшественника, и достаточно искушена в реальной политике власти, чтобы обозначить пониженный статус Гамаша, упомянув его новое звание.

Здесь присутствовали представители высшего руководства Корпуса инженерных войск, Королевской канадской конной полиции, компании «Гидро-Квебек», главный метеоролог из Министерства окружающей среды, а также заместитель премьер-министра Квебека.

Всех их Гамаш хорошо знал.

– Я вижу, часть того дерьма, что вылилась на вас из «Твиттера», прилипла, – сказал высокий чин из конной полиции, показывая на одежду Гамаша.

Гамаш улыбнулся:

– К счастью, оно не оставляет пятен.

– Но пахнет, – сказал полицейский с кривой улыбкой. – Первый день работы – и такая чертовщина, Арман.

– Что есть, то есть.

– Мы обсуждали сложившуюся ситуацию, – сказала Туссен, слегка ошетилившись при виде очевидно близких и теплых отношений между Гамашем и офицером из конной полиции.

Она жестом пригласила своего предшественника к огромной топографической карте провинции, возле которой уже собрались остальные.

На карте были отмечены не только те места, где сейчас возникли проблемы, но и накапливающиеся угрозы вниз по течению той или иной реки. А в Квебеке рек хватало, как и воды.

В те времена, когда Гамаш занимал этот самый кабинет, он склонялся над множеством подобных карт. Над картами, которые отражали криминальную активность и природные катастрофы.

Но он никогда не видел ничего подобного.

На карте было столько отметок, что она стала почти неузнаваемой.

– Я как раз собиралась показать кое-что, – сказала главный метеоролог.

Она кивнула коллеге, сидевшему за ноутбуком. Несколько ударов по клавиатуре, и на стене появилась проекция другой карты Квебека.

– Это наш прогноз на ближайшие двадцать четыре часа.

Началась анимация, из разряда тех, что не понравились бы Диснею.

Компьютер показывал природную катастрофу эпических масштабов. Все реки сливались в одну. Ледяные заторы росли. Все притоки выходили из берегов.

Все острова исчезали.

Населенные острова, как было известно Гамашу.

У него расширились глаза, а желудок скрутило узлом. Большие и малые города, не один век простоявшие на своих местах, особенно на берегах реки Святого Лаврентия, были затоплены водой.

А потом наводнение остановилось. Вода начала убывать. Оставляя после себя грязь и мусор.

Ниже картинки проходила временная шкала. Все события должны были произойти в течение одного дня.

В кабинете воцарилось молчание. Наконец главный метеоролог заговорила:

– Хотите посмотреть еще раз?

– Non, – в один голос сказали они.

Non. В этом не было нужды. У всех в кабинете стыла кровь в жилах при виде такого зрелища.

– Это наихудший сценарий, – сказала метеоролог. – В том случае, если будут прорваны плотины. Маловероятный, но возможный.

Гамаш хотел задать представителю «Гидро» единственный вопрос, который теперь имел значение.

Устоят ли плотины?

Но он воздержался, понимая, что совещание ведет Туссен. Не желая подрывать ее авторитет.

Другие смотрели на него, а он повернулся к ней. И они тоже медленно перевели взгляд на нового старшего суперинтенданта.

– Они устоят? – спросил наконец конник.

Представитель «Гидро-Квебек» коротко кивнула. Лицо у нее оставалось мрачным.

– Пока что держатся. Оттепель еще не далеко продвинулась на север. А когда и там начнется таяние, мы откроем шлюзы и сбросим давление.

Гамаш смотрел на Туссен, которая явно обдумывала сказанное.

«Спроси, – послал он ей мысленный сигнал. – Спроси».

– И это сработает? – спросила она.

– Если шлюзы не будут заблокированы и если давление льда на конструкцию не превысит определенных значений.

Если, если, если...

В кабинете повисла тишина: все еще раз мысленно проигрывали увиденную анимацию, учитывая эти «если».

– Но даже если плотины устоят, – продолжила метеоролог, – мы имеем дело с катастрофическим сочетанием рекордных снегопадов на протяжении всей зимы, рекордной толщины льда, а теперь еще и сильных дождей. Вода, образовавшаяся в результате раннего таяния, поступает в реки до того, как оттаяла земля и сошел лед. Все застопоривается.

– Так, – сказал заместитель премьера. – Мы это видим. Вопрос: что с этим делать?

– Есть чрезвычайные меры...

– Да-да, – перебил он ее. – Я знаю. Это то, как мы отвечаем на опасность. А я хочу знать, как ее предотвратить. Или по меньшей мере снизить воздействие. Что мы можем сделать?

Голос его звучал не просто настойчиво, в нем слышались панические и даже капризные нотки. Голос ребенка, который подозревает, что не получит желаемого.

Ответом на этот призыв было молчание.

Гамаш надел очки для чтения и посмотрел на главного метеоролога. Он не раз встречался с ней на подобных совещаниях в этом кабинете. Склонялся рядом над картами.

Но он ни разу не слышал от этого бесстрастного, точного, осторожного ученого слова «катастрофическое».

– У вас есть какие-нибудь мысли? – спросил он.

– Реализуются наши худшие страхи, – сказала метеоролог слабым от усталости голосом. Плечи у нее поникли. – То, что будит любого синоптика среди ночи. «Все, что туманит разум и мучит».

– О чем вы говорите? – требовательно спросил политик. – Это какая-то цитата? Вы сошли с ума?

Гамаш узнал цитату, хотя не мог вспомнить, откуда она.

– Может быть, – ответила метеоролог, потирая лицо. – Я не спала два дня подряд, анализировала имитационные модели. У меня и в самом деле мозги запеклись.

– Вы хотели что-то сказать, старший инспектор? – спросила Туссен, опять сделав акцент на его звании.

Он снял очки и внимательно посмотрел на нее.

Она тоже наблюдала за ним. С момента появления Гамаша она ждала, что он возьмет дело в свои руки.

Однако он помалкивал. Уступал ей бразды правления.

Это казалось проявлением уважения, но теперь она задумалась, не скрывается ли за его молчанием другая причина. Не понял ли он, даже раньше ее, простую истину: кто руководит, тот и несет ответственность?

Мадлен Туссен начала осознавать свою ошибку. И почти патовую ситуацию, в которой оказалась. Если она берет руководство в свои руки, то будет виновата в случае провала. Если же она позволит Гамашу взять верх, то умалит свой авторитет.

Она пригласила его на совещание, отчасти рассчитывая на его опыт, а также видя в этом возможность подчеркнуть свое новое положение в глазах других высоких персон.

В городе появился новый шериф. Старый ослабел, сник. Разжалован.

Она не подумала о том, что для остальных участников будет естественным обращаться в первую очередь к нему. То ли по привычке, то ли потому, что они по-прежнему относились к нему с уважением.

Разумеется, кроме заместителя премьера. Который презирал Гамаша.

Не рассчитывала Туссен и на то, что Гамаш добровольно откажется от своей ведущей роли. В знак явного смирения.

Она несколько месяцев не видела своего прежнего босса и, увидев его снова, испытала легкое чувство стыда за то, что поступает с ним так. Но главным образом она чувствовала раздражение. Потому что он, по всей видимости, ничуть не переживал из-за своего понижения.

Гамаш постучал очками по карте, потом посмотрел на Туссен:

– Возможно, у нас меньше времени, чем вы думаете.

Он рассказал им о подвижках льда в районе моста Шамплена.

– Откуда вы это знаете? – спросила Туссен.

– Видел своими глазами.

– Как?

– Вышел из машины и посмотрел.

– Вниз? – спросила она. – Вы стояли на мосту и смотрели за ограждение?

Хотя об акрофобии Гамаша не было широко известно, те, кто давно служил с ним, знали или по меньшей мере подозревали, что он страдает боязнью высоты.

– Да.

– Это означает, что мосты вскоре придется закрыть, – сказала она ему. – И дороги, я полагаю, тоже.

Гамаш едва заметно кивнул, соглашаясь с ней. И Туссен испытала удовлетворение и одновременно недовольство собой за то, что хотела, искала его одобрения.

– Команды взрывников уже на пути к наиболее опасным местам, – сообщил военный инженер. – Включая, конечно, и плотины гидростанций. При необходимости мы будем взрывать ледяные заторы.

– Хорошо. Спасибо, полковник, – сказала Туссен, возвращая себе главенствующее положение.

– Пойдите, – вмешался заместитель премьера. – Вы предлагаете устроить серию взрывов по всей провинции? Вы хоть представляете, какая возникнет паника?

– Лучше пусть паникуют, чем тонут, – заметил военный инженер.

– А можно сделать что-нибудь другое? – спросил политик.

– Например, остановить дождь, сэр? – осведомилась главный метеоролог. – Я пыталась. Ничего не получается.

– У меня есть одна мысль, – сказал Гамаш, обращаясь к представителю «Гидро». – Вы говорили о шлюзах. Мы можем сделать что-то подобное дальше на юг?

– На юге плотин нет. И шлюзы открывать не на чем.

– Я знаю, но можно ведь прорыть поверхностные стоки, верно? И в результате получится то же самое.

Он оглядел собравшихся в поисках поддержки.

– Не думаю, чтобы это сработало, – сказала Туссен.

– Но почему? – спросил Гамаш с искренним интересом. – Какие у вас возражения?

– Для того чтобы это эффективно заработало, понадобится слишком много оборудования, – ответила она. – Нам придется отвлечь часть сил от плотин, и таким образом мы подвергнем их слишком большой опасности. Они станут уязвимыми.

– Хорошее соображение, – сказал Гамаш, возвращаясь взглядом к карте.

– И все же, – заговорил представитель конной полиции. – Если мы сумеем это сделать, то облегчим ситуацию на малых реках. Мы отведем часть воды, прежде чем она попадет в большие реки.

– Старший суперинтендант Туссен права, – сказал глава инженерного корпуса. – Подобные действия отвлекут огромную часть оборудования и персонала, у нас не хватает для этого ресурсов. Кризис быстро приближается и охватывает все большие территории. Чрезвычайное положение объявлено в Онтарио и приморских провинциях. Мы разворачиваемся на востоке.

– Пойдите, – восторгался политик. – Вы хотите сказать, что вы не только не выделяете нам дополнительное количество персонала и оборудования, но и фактически уводите часть уже задействованного?

– Я собирался поставить вас в известность, – сказал полковник.

– Когда? Когда мы начнем ходить по воде?

– Вам в помощь будет выделен «Ван-Дуз»¹⁹, но это все, – сказал полковник, не поддаваясь на провокацию. – Другие полки потребуются нам в других районах.

Гамаш выпрямился. Королевский Двадцать второй полк Канадских вооруженных сил базировался возле Квебек-Сити. Легендарный полк, любовно прозванный «Ван-Дуз», был огромным подспорьем в любой чрезвычайной ситуации, и он уже был развернут.

Но этого недостаточно. Капля в море.

Как и все остальные в кабинете, Гамаш посмотрел на военного инженера с некоторым испугом. Увидев устремленные на него взгляды, тот опустил глаза:

– Désolée.

Все остальные тоже сожалели.

– Но если вы перенаправите большинство ресурсов, которыми мы располагаем, то этот план вполне осуществим, – не отступал представитель конной полиции.

– Мне не нравится, как это звучит, – заявил заместитель премьера.

– Вам не нравится идея взрывов, вам не нравится идея перенаправления ресурсов, – раздраженно заметил конник. – Вы требуете действия, но фактически отказываетесь действовать.

Туссен, увидев свой шанс, обратилась к Гамашу:

– Что вы предлагаете?

---

¹⁹ «Ван-Дуз» – англоязычное произношение французского «vingt-deux», «двадцать второй».

В смирение могут играть двое, и эта игра сулила Гамашу не положение ведущего, а одни неприятности.

– Риск есть, – согласился Гамаш. – Но я думаю, нам придется на него пойти.

– Давайте уточним, – сказала представитель «Гидро». – Вы предлагаете увести оборудование и персонал от плотин?

– Да, – ответил Гамаш, медленно кивая. Он повернулся к главному метеорологу. – Вы сами это сказали. Таяние там еще не наступило. И вряд ли наступит в ближайшее время. Зачем держать драгоценные ресурсы там, когда они необходимы на юге, где кризис, считайте, уже наступил?

– Затем, что, если плотины рухнут, мы будем отброшены в каменный век, – сказала Туссен. – Если произойдет резкое потепление, как оно произошло на юге, то нам конец. Мы не сможем достаточно быстро перебросить назад людей и оборудование. Если хоть одна из плотин обрушится...

Заканчивать предложение не требовалось. Они все понимали ее мысль.

На волю вырвутся сотни миллионов тонн воды, которые обрушатся на провинцию. Они будут подбирать на своем пути лед и обломки. Деревья. Дома, машины, мосты. Животных. Людей.

Пока бо́льшая часть Квебека не будет снесена до самого Вермонта.

– Итак, у нас есть выбор, – сказал полковник. – Поддерживать безопасность плотин и гарантировать катастрофическое наводнение на юге. Или рискнуть плотинами.

– Все как вы сказали, – подтвердил высокий чин конной полиции. – В одном случае риск, в другом стопроцентная уверенность.

– Иначе говоря, – добавил полковник, – в одном случае катастрофа, в другом – Армагеддон.

Это прозвучало мелодраматически, но любой, кто видел приливную волну, цунами, знал, что тут нет преувеличения.

Заместитель премьера застонал.

– Вы наверняка радуетесь, что не сидите сейчас на моем месте, – сказала Туссен Гамашу. Он улыбнулся:

– Да, я рад, что вы занимаете этот кабинет. Мы все рады.

Она сомневалась, что это правда.

– Еще какие-нибудь советы, Арман?

Он задумался, глядя на карту:

– По-моему, вам стоит уже сейчас открыть шлюзы на плотинах. В качестве меры предосторожности...

– Но тогда мы потеряем электроэнергию, – вмешалась представитель «Гидро», и политик снова застонал.

– Non. Вы потеряете деньги. Но мы оба знаем, что у вас есть достаточно резервных мощностей, которыми вы можете воспользоваться. – Гамаш уставился на женщину. – Дрожать от холода, сидя в темноте, мы пока еще не будем.

Эта старая угроза со стороны «Гидро» и политиков десятилетиями оправдывала драконовские меры, предпринимаемые коммунальными службами.

После секундного замешательства представитель «Гидро» коротко кивнула. Политик злобно сверкнул глазами на Гамаша. Старая ложь была разоблачена.

– Оставьте по одной команде на наиболее уязвимых плотинах, – сказал Гамаш. – На тот случай, если одного открытия шлюзов будет недостаточно. И перенаправьте все остальные ресурсы на прокладку отводов и водосливов на притоках.

– Merci, – сказала Туссен, пытаясь вмешаться. Остановить этот поток советов.

– Есть очевидные ключевые места, – заметил полковник из Корпуса инженерных войск, принимая предложение и указывая на несколько рек. – Мы можем выбрать дюжину наиболее важных притоков. Скажем, здесь... и здесь.

– Oui, – кивнул Гамаш, знакомый с местностью. – Нам не нужно отводить все. – Он оторвал глаза от карты и посмотрел на Туссен. – Мы можем также обратиться за помощью к местным фермерам. Воспользоваться их оборудованием для рытья...

– Мы? – спросила она, и опять все в кабинете замерли.

Исключая политика, по лицу которого расплзлась широкая улыбка.

– Вы, – поправился Арман, выпрямляясь и снимая очки для чтения. – Это ваша операция, старший суперинтендант. Вы просили моей помощи и совета. Я просто даю их вам.

– Спасибо.

– Сражение можно выиграть на одном фронте, – продолжал он. – Но война выигрывается на многих. Вы сосредотачиваете силы в самых опасных местах. И в этом есть свой смысл. Однако вы можете также работать на опережение кризиса. Хотя риск и существует.

– Но это не риск, Гамаш, – перебил его заместитель премьера. – Это безрассудство.

Все взгляды устремились на него. Гамаш поднял голову и посмотрел на политика:

– Это просчитанный риск, месье. – Голос его звучал так официально и холодно, что было странно, почему при каждом слове из его рта не вылетает облачко тумана. – Гораздо больше риска в параличе. В безответственной нерешительности.

– Вы так думаете? Может, нам стоит спросить об этом тех ваших подчиненных, кто был убит или ранен из-за ваших так называемых просчитанных рисков? Да вы вообще не должны здесь находиться. Вы должны сидеть дома. Или охранять какой-нибудь «Уолмарт». Или прохлаждаться в тюрьме.

Никто не произнес ни слова. Все глаза были широко открыты. Даже Мадлен Туссен была потрясена этой язвительностью.

– Старший суперинтендант Гамаш сделал... – начала было она, но взгляд политика заставил ее замолчать.

– Когда ваш комитет предложил мне вернуться в полицию в качестве главы отдела, – заговорил Гамаш, гневно глядя на заместителя премьера, – вы должны были знать, что существует риск моего согласия на предложение.

По меньшей мере два человека в кабинете фыркнули от удивления. А может, от неожиданности.

– Мы даже не думали, что вы дошли до такого отчаяния. Или глупости, – сказал политик.

– Что ж, вы приложили максимум усилий, – слабо улыбнулся Гамаш. – И все же вот он я. Стою здесь. Прямо перед вами.

– Вы действительно считаете, что это был максимум наших усилий, Арман?

Наступило потрясенное молчание, и наконец старший суперинтендант Туссен ринулась на амбразуру:

– Думаю, именно так мы и будем действовать. Оставим оборудование на гидроплотинах, чтобы предотвратить катастрофическое развитие событий, а на юге будем по мере необходимости взрывать затопы.

Не обращая на нее внимания, заместитель премьера склонился к карте:

– По вашему сценарию, Гамаш, я вижу, что одной из спасенных деревень будет та, в которой вы живете. Вы ведь живете в каком-то захолустье в Восточных кантонах? Я чувствую на вас его запах. Запах дерьма.

– На самом деле это пахнет ослом. – Он уставился на политика. – Что вы хотите сказать, Пьер?

– О, Арман, вы прекрасно поняли, что я хочу сказать. Вы снова используете имеющуюся у вас власть в своих целях. И... – Заместитель премьера сделал паузу, набрал побольше воздуха. – И мне кажется, это пахнет не ослом. А задницей.

Присутствующие вздрогнули.

– Вы правы, – сказал Гамаш. – Я живу в одном из населенных пунктов на пути потока. В маленькой деревне под названием Три Сосны, незначительной по вашим стандартам. Никто про нее никогда не слышал, и если она исчезнет в потоке, то, я подозреваю, никто этого и не заметит. Но это все равно будет трагедией. И это будет трагедией для других городков и деревень, о которых вы ничего не хотите знать.

– Спасибо, что пришли, старший инспектор. – Туссен протянула ему руку. – Дальше мы сами. Отпускаю вас к вашей работе.

Они посмотрели друг на друга. Прежний и нынешний хозяева самого высокого кабинета в Квебекской полиции.

В нем больше не нуждались.

Его бесцеремонно выставляли за дверь.

Арману Гамашу указали на его место.

Когда он зашел в кабинет Бовуара, чтобы забрать куртку, ботинки и собаку, Жан Ги стоял у своего стола. Тут же была и Изабель Лакост.

– Со всеми побеседовала? – спросил Гамаш.

– Все встречи отменены, – ответила она. – Из-за чрезвычайной ситуации.

– Совещание закончилось? – спросил Бовуар.

– Нет еще. Я высказал свое мнение, а там посмотрим. Там заседают умные люди.

– Тогда почему вы здесь? – спросил Бовуар.

– Видимо, я недостаточно умен, – с улыбкой ответил Гамаш.

– Мне жаль, – сказала Лакост. – Они не должны были...

– Ничего-ничего, – заверил ее Гамаш.

Он вдруг заметил, что костюм Жана Ги, его бумаги, кресло и потолок покрыты маленькими коричневыми пятнышками.

– Ваша собака отряхнулась, – объяснил Бовуар.

– О боже.

– Да. Я говорил то же самое, когда умывался и отскребал свой стол. Боже, говорил я, какой беспорядок.

Он шутиливо вытаращил глаза, и Лакост рассмеялась.

– Кстати, позвольте спросить, откуда у вас эта собака?

– Она принадлежит пропавшей женщине.

– Понятно. – Бовуар посмотрел на маленького вонючку, удовлетворенно разлегшегося на испачканном ковре. – К сожалению, мы должны на время отложить эти поиски.

– Вообще-то, не должны. По крайней мере, я. Если ты не возражаешь, я бы хотел поговорить с ее отцом в Сент-Агате, пока дороги не закрыли. Не возражаешь, если я возьму агента Клутье?

– Конечно не возражаю. Вам не нужно спрашивать, patron, – сказал Бовуар.

– Но я спрашиваю, – улыбнулся Гамаш.

– Можно мне с вами? – спросила Лакост. – Похоже, я сегодня свободна.

– Это будет замечательно, – откликнулся Гамаш.

Он ценил ее суждения и общество, к тому же она была наставником агента Клутье.

Изабель Лакост была совсем молодой женщиной, когда он, ко всеобщему удивлению, взял ее в отдел по расследованию убийств. С тех пор прошло немало лет.

Теперь в волосах у нее серебрилась седина, а на лбу и возле рта появились морщины, вызванные стрессом. И болью. Она хромала и ходила с тростью, все еще не оправившись от почти смертельных ранений, полученных в прошлом году.

Гамаш нередко сомневался, действительно ли он оказал ей и Жану Ги услугу, пригласив их к себе в отдел. Впрочем, они были взрослыми людьми, говорил он себе, и могли сами принимать решения.

А теперь вот один решил уехать, а другая – вернуться.

Ожидая лифт в компании с Изабель и Фредом, Гамаш смотрел в окно на Монреаль. По стеклу беспрестанно скользили дождевые капли, и казалось, будто город находится под водой.

Гамаш сцепил руки за спиной, чувствуя, как у него внутри все холодеет. Он снова видел перед собой ту анимацию. О том, как огромная часть Квебека соскальзывает в Вермонт. Отправленная туда потоком воды и боязнью принять неправильное решение.

– «Все, что туманит разум и мучит», – продекламировал он.

– «Моби Дик»²⁰, – откликнулась Лакост. – Учили в университете.

– Точно, – сказал Гамаш, поворачиваясь к ней. – Никак не мог вспомнить, откуда это.

– А к чему вообще вспоминать?

– Эти слова произнес кое-кто на совещании.

– Не вижу в этом ничего хорошего, – сказала Изабель Лакост, когда они вошли в кабину лифта. – Едва ли они вселяют оптимизм.

– Да уж.

---

²⁰ «Моби Дик, или Белый кит» – роман американского писателя Германа Мелвилла.

Глава одиннадцатая

Через сорок минут они остановились на подъездной дорожке у аккуратного бунгало в центре Сент-Агата.

С подъездной дорожки было видно, что озеро еще затянуто льдом. Но кое-где лед уже вздыбился. Кабинки для подводного лова были покинуты, а хоккейную площадку в двадцати футах от берега рассекала посередине огромная трещина.

Лед на озере Лак-де-Сабль взламывался. По-видимому, это произошло быстро и застало местных жителей врасплох.

Даже отсюда был слышен треск и грохот. В толстом льду образовывались новые трещины.

Таяние продвигалось на север. Быстрее, чем они думали. И определенно быстрее, чем они надеялись.

Гамаш сунул руки в карманы и подобрал голову в плечи, защищаясь от ветра.

Они находились в Лаврентийских горах, и здесь было значительно холоднее. То, что южнее падало на землю в виде дождя, здесь превращалось в ледяную крупу. А вскоре, подумал он, прольется ледяным дождем.

Им нужно поторопиться, если они хотят без проблем добраться до дома.

Старший инспектор Гамаш достал телефон и запросил сведения о взломе льда. Он отключился как раз в тот момент, когда в дверях дома появился человек.

Омер Годен явно ждал их. Он вышел из дома, но резко остановился и поднес руки к лицу.

– Фред, – сказал он.

Увидев месье Годена, Фред выскользнул наружу из машины. Мужчина упал на колени и обнял собаку.

Потом он встал и отер лицо. Поворачиваясь к Гамашу, протянул руку:

– Спасибо, спасибо, что приехали. Я отец Вивьен.

Не месье Годен, отметил Гамаш. Не Омер. А отец Вивьен. Теперь он так назывался. Возможно, он назывался так со дня рождения своего единственного ребенка.

– Арман Гамаш. Мы говорили по телефону.

– Да. Я оставался здесь, как вы и предлагали. Но она не звонила.

Месье Годен взглянул в лицо Гамаша, ожидая какого-нибудь утешения. Уверений в том, что она еще позвонит.

Но Арман Гамаш молчал.

Омер посмотрел вниз. На собаку. Его плечи поднялись и опустились, он издал тяжелый вздох, почти рыдание. Потом закрыл лицо руками, и сквозь пальцы просочились приглушенные слова:

– Это моя вина.

– Нет-нет, неправда, Омер, – сказала Лизетт Клутье, прикасаясь к его руке.

Но он как будто не заметил этого. Наконец он опустил руки и отер лицо рукавом:

– Извините. Мне уже лучше.

Он распрямился, расправил плечи. Затем увидел третьего визитера.

Гамаш представил суперинтенданта Лакост.

– Спасибо, что приехали. Спасибо, спасибо, – сказал Годен, спокойный, как камень или как самообман.

Ему было около шестидесяти; возможно, даже за шестьдесят. Небритая щетина начала превращаться в бороду. Под глазами, усталыми и покрасневшими, чернели круги. И поблескивала влага.

Высокий, широкоплечий мужчина, Омер Годен явно был привычен к физическому труду. Он говорил с сильным деревенским акцентом человека, который рано оставил школу и стал работать на земле.

Лакост знала этого человека. Не лично, но ее дедушка был точно таким же квебекцем. Все еще крепкий в девяносто один год, он ничего так не любил, как отправиться в лес за дровами, даже зимой.

– Я думал, вы не приедете, – сказал Годен, обращаясь к Гамашу. – Есть вещи более важные... – Он замолчал, не в силах продолжать.

– Для нас нет ничего важнее, чем поиски вашей дочери, месье Годен, – сказал Гамаш. – Но властями объявлена чрезвычайная ситуация. В настоящий момент этим расследованием занимаемся только мы.

Годен посмотрел на них новыми глазами. Бухгалтер. Женщина с тростью. Человек весь в грязи, пахнувший, как...

– Вы там не нужны?

– Non.

С легким удивлением Гамаш осознал, что перешел в статус «отказников», тех людей, которых спасал на протяжении всей своей карьеры.

Но это не значило, что он стал бесполезным. Может быть, его просто перепрофилировали.

– Заходите в дом, а то холодно, – сказал Годен. – Я уверен, все будет хорошо. Вивьен наверняка застряла где-нибудь у подружки, развлекается, и я волнуюсь по-напрасну. Она скоро позвонит.

Он взгляделся в их лица, пытаясь найти хоть какую-то причину надеяться на то, что его слова могут быть правдой. Пациент в кабинете врача, самодиагностирующий свою опухоль как кисту, помрачение сознания как утомление, паралич как ущемление нерва.

Пропавшая на выходных дочь скоро позвонит. С тысячью извинений.

Гамаш узнавал это естественное, а возможно, и необходимое заблуждение. Оно позволяло родителям, детям, супругам жить дальше. По крайней мере, какое-то время.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, – сказала Клутье, спеша за Омером в аккуратный дом и в кухню.

Но отец Вивьен смотрел на Гамаша.

– Как вы думаете, что с ней произошло? – спросил Омер, садясь за кухонный стол.

Гамаш, занявший место напротив него, услышал, как в голосе отца снова зазвучал страх. Боязнь. Предчувствие катастрофы.

– Мы не знаем. Мы только что приехали из ее дома...

– Тот дом никогда не был ее. Вот здесь ее дом.

И в самом деле, жилище Годена воспринималось как дом. Здесь пахло домом. Скромный по размерам, уютный и приветливый дом со слегка изношенной мебелью. Удобное кресло рядом с печкой стояло так, чтобы можно было смотреть телевизор.

Одно кресло. Дом человека, который не только жил один, но и редко принимал кого-то у себя.

Фред лег на полу и положил голову на ноги месье Годена.

– Он с ней что-то сделал?

Его глаза опять молили Гамаша об успокоении. Но в них было больше отчаяния, чем надежды.

– Мы не знаем, – сказала Клутье. – Мы...

– Этот ублюдок что-то сделал с ней.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Почему вы так говорите, сэр? – спросил Гамаш.

– Потому что она мне позвонила бы. Я знаю мою Вивьен. Она же понимает, что я буду беспокоиться. Она никогда бы...

Он замолчал и опустил глаза, с трудом дыша под тяжестью невыносимой ноши ужаса.

Гамаш наблюдал за тем, как отец Вивьен нащупывает свой путь вперед. В страшный новый мир. Спотыкаясь об осколки слов, которые не отваживался произнести. Охваченный переживаниями, которые не отваживался признать. Собираясь с силами, чтобы двигаться дальше.

Ступая по натянутому канату, ведущему его к необходимости действовать, но все еще не признавая, что для действий есть причина.

– Вы не знаете, куда бы она могла отправиться? – спросил Гамаш.

– Я обзвонил всех ее старых друзей. Никто ее не видел. Они вообще не разговаривали с ней уже тысячу лет.

– А те люди, с которыми она подружилась, уехав от вас?

– Если она с кем и подружилась, то мне об этом не говорила. Да я и сам довольно давно ее не видел.

– Почему?

– Он не позволял ей приезжать сюда, а я знал, что там мне не будут рады. Я пытался несколько раз, но он меня даже на крыльцо не пускал. Говорил всякие гадости.

– Например?

Омер помолчал, явно удрученный этим вопросом – и ответом, который придется дать:

– Кричал, что Вивьен не хочет меня видеть. Что она меня ненавидит. Что я ужасный отец.

Он повесил голову, рот его открылся. Еще через несколько мучительных секунд с его нижней губы потекла ниточка слюны.

Его громадные руки дрожали на его коленях, дыхание вырывалось короткими, резкими вдохами и выдохами. Он задыхался, как дикое животное, мучимое болью.

Лизетт Клутье потянулась было к нему, но Гамаш остановил ее руку.

Этому человеку требовалось личное пространство. Иллюзия приватности.

Гамаш, повидавший немало скорби, знал, что отцу Вивьен нужно дать выплакаться и следует пресечь попытки доброжелателей остановить его слезы. Причина этих попыток, вроде бы милосердных, крылась в чувстве крайней неловкости, а не в желании утешить страдальца.

– Он был прав, – заговорил наконец Годен, с трудом выдавливая слова. – Я плохой отец.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш. – Вы сказали что-то похожее, когда мы приехали. Вы сказали, что это ваша вина.

– Я так сказал? Ну, я имел в виду, что должен был как-то повлиять. Сделать что-то, когда они только-только обручились. Я знал, что он сукин сын. Но я не хотел, чтобы она думала, будто я после смерти матери ревную ее или что-то такое. А я даже не знал, поэтому ли я так возненавидел Трейси. У меня все в голове путалось. Но я видел, прямо-таки видел, что он нехорош для нее. Однако я даже не думал... – Он замолчал и несколько раз вздохнул. – Не думал, что он будет ее обижать. Хотя бы не сразу. И не так.

– Обижать каким образом? – спросил Гамаш.

Они уже знали, но им нужно было услышать это от отца Вивьен.

Губы Омера шевелились в попытке сформировать слова, но у него ничего не получалось. Наконец он устался на Гамаша, умоляя взглядом не вынуждать его произносить это вслух.

Клутье попыталась было заговорить, но Лакост остановила ее.

И они продолжали ждать.

– Он бил ее.

Слова пролились изо рта месье Годена, как кровь из вскрытой вены. Тихо. Почти опровергая свой смысл.

Омер продолжал смотреть на Гамаша. Молил его, но не о понимании, так как и сам не понимал, почему, заподозрив, что его драгоценную дочь избивают, не прекратил этого.

Нет, он молил помочь ему. Помочь сказать то, что нужно сказать. Признать неизвиняемое. Немыслимое.

Признать, что он предал ее.

– У вас есть дети? – спросил он Гамаша.

– Двое. Сын и дочь.

– Она, наверное, такого же возраста, что и Вивьен.

– Oui. Ее зовут Анни.

– А у вас? – спросил Омер у Лакост.

– Тоже двое. Сын и дочь.

Омер кивнул.

Лакост наблюдала за ним. Можно ли представить себя на его месте? В этом кошмаре?

– Он прятал ее от меня, – сказал Омер, обращаясь теперь к Лакост. – Когда я видел ее, всего несколько раз за последний год, она была такая худая. И в синяках. – Он поднял руки, словно взывая к небесам. – Я умолял ее бросить его. Переехать ко мне, но она отказывалась.

– Почему? – спросила Изабель Лакост.

– Не знаю. – Он посмотрел на Фреда, опустил руку и погладил спящую собаку.

– Ты пытался, – сказала Лизетт. – А больше ты ничего и не мог.

– Ну, кое-что очень даже мог. – Он взглянул на Гамаша. – Что бы сделали вы, если бы вашу Анни...

– Когда вы в последний раз видели Вивьен? – спросил Гамаш, уклоняясь от ответа.

Годен слабо улыбнулся:

– Не хотите отвечать, да? Наверное, это умно. Но иногда лучше быть глупым, верно? Если бы я убил подонка, то сегодня здесь сидела бы она, а не вы.

– Зато вас здесь не было бы, – заметил Гамаш.

– Вы думаете, для меня это важно? – сказал Годен. – Я бы отдал за нее жизнь вот так. – Он щелкнул пальцами.

– Когда, месье Годен? – повторил вопрос Гамаш.

– Я видел ее перед Рождеством. Повез к ней подарки. Даже для него купил. О боже. – Он недоуменно уставился на Гамаша. – Я так боялся ее потерять, что был готов... – ему снова пришлось взять себя в руки, – заискивать перед ним. О чем только я думал? Боже мой. Она не пригласила меня в дом. Я думаю, он там был. И я просто уехал. Вот такой последний раз...

Лизетт Клутье протянула руку, и на этот раз Гамаш не стал ее останавливать. Она положила руку на запястье Омера.

– Но потом вы разговаривали с ней по телефону, – сказал Гамаш.

– Да. Она позвонила в субботу утром.

У Годена был озадаченный вид. Неужели так недавно? Всего два дня назад? Время больше не имело значения. Дни, даты – они стали бессмысленными и останутся такими до конца дней. Будет только «до» исчезновения Вивьен и «после».

Жирная линия, от которой будет измеряться все остальное. Пока он не умрет.

– И что она сказала?

– Она сказала, что беременна и в конечном счете уходит от него. Я так обрадовался, говорить почти не мог. Сказал, что приеду за ней, но она ответила, чтобы я не приезжал. Ей нужно было выбрать время, когда это будет безопасно. Когда он уедет или вырубится. Она сказала, что приедет позже вечером или в воскресенье утром. Она заставила меня пообещать, что я не приеду. И я просто ждал. – Он сделал долгий, долгий выдох. – Нужно было поехать за ней. Почему я не поехал?

Ответа не последовало, и Гамаш не собирался говорить бессмыслицу, поддакивая этому достойному человеку.

Они сидели молча и смотрели друг на друга. Отец Вивьен и отец Анни.

– Это моя вина, – прошептал Омер.

– Non, monsieur. Вы здесь ни при чем.

Но Гамаш знал: что бы он ни говорил, Годен проведет остаток жизни в этой бесконечной петле. Постоянно возвращаясь в одно и то же место. Снова, и снова, и снова – к их последнему разговору. К тому, что он сделал и чего не сделал. Что мог сделать, что ему следовало делать.

«Я тоже вел бы себя так», – подумал Гамаш.

– Вы сказали, что звонили всем ее бывшим друзьям, – продолжил Гамаш, – а вы не знаете, не появилось ли у нее недавно какого-нибудь друга? Кого-то особенного?

Если Годен и понял смысл его слов, то предпочел его проигнорировать:

– Нет, никого.

И Гамашу пришлось притвориться тупым.

– Карл Трейси говорит, что у нее были...

– Я знаю, что говорит Трейси, – взорвался отец Вивьен. – Он пытается выставить ее... выставить ее... – Он так и не сумел произнести это слово. – Вивьен была не такая. Она бы никогда, ведь правда?

Он взывал к Клутье, но той удалось промолчать.

Годен посмотрел на свои руки, так крепко вцепившиеся в край стола, что вся столешница задрожала. Словно явился призрак из потустороннего мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.